

О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ

Книга II

Алматы
«Қазақ университеті»
2021

УДК 82-4
ББК 94.4
А 94

*Книга издана в рамках грантового проекта AP05135021
«Разработка национальной модели
казахстанского медиаобразования
в контексте модернизации общественного сознания
и реализации приоритетов «Мәңгілік ел»»
Министерства образования и науки Республики Казахстан.*

Ахметова Л.С.

А 94 О тех, кого помню и люблю. Книга II / Л.С. Ахметова. – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 301 с.
ISBN 978-601-04-5566-5

В книгу II вошли 30 рассказов об ученых КазГУ – КазНУ имени аль-Фараби. Воспоминания о людях университета, внесших большой вклад в развитие высшего образования страны.

Предназначена для журналистов, специалистов по связи с общественностью, историков, политологов, педагогов, молодежи, всех тех, кто интересуется историей Казахстана XX века и историей КазНУ им. аль-Фараби.

УДК 82-4
ББК 94.4

ISBN 978-601-04-5566-5

© Ахметова Л.С., 2021
© КазНУ им. аль-Фараби, 2021

ВВЕДЕНИЕ

1 сентября 2021 года исполнилось 50 лет как я стала студенткой Казахского Государственного Университета (КазГУ-КазНУ им. аль-Фараби). С тех пор я нахожусь в стенах родного университета, здесь мне удалось с героями этих очерков познакомиться, работать и с большинством из них подружиться. Мне захотелось рассказать о тех, кто работал и учился в Казахском национальном университете с 1940-го и до настоящего времени

В этой книге 30 рассказов о тех, кого помню и люблю, о тех, с кем работала в университете. 30 человек – это мои учителя, старшие товарищи, коллеги, друзья, которые сыграли большую роль в моем становлении как ученого, педагога и общественного деятеля. Через рассказы о них и их помощи мне встает история Казахского университета, мы видим историю становления высшего образования страны, мы узнаем историю Казахстана.

Все три ректора университета – это бывшие студенты университета, прошедшие долгий, трудный и замечательный путь от студента до ректора первого вуза страны. Для молодежи – это показатель того, чего можно достичь, будучи студентом, магистрантом, докторантом прославленного университета. И какое для них счастье и гордость прийти сюда уже ректором! И снова быть в университете, и все сделать

для того, чтобы университет стал лучшим университетом не только Казахстана, но и в мировом пространстве.

Еще одна деталь: для многих из героев книги университет – это одна строчка в трудовой книжке человека: учился, работал и ушел на пенсию. Это не их биография. Я очень хотела через личностное восприятие, наше сотрудничество, показать, как мы жили, общались, работали в родном для нас всех университете.

В каждой истории – неповторимая личность, внесшая огромный вклад в становлении университета второй половины XX века и в первые годы XXI века. Это они жили и работали на благо и процветания Казахского Национального университета и Казахстана. Это и их вклад в университет, который сейчас является таким прославленным и замечательным, какой он есть. Мы должны знать и помнить об этом.

Сегодня мы только делаем историю. А настоящая история в жизни этих выдающихся людей Казахстана – руководителей, профессорско-преподавательского и просто рядового состава нашего родного университет

Глава 2

НАША ГОРДОСТЬ – ФРОНТОВИКИ

ЖУМАТОВ Габбас Жуматович

7 июня 2018 г.

Разговаривала по телефону с Майрой Жуматовой, дочерью Габбаса Жуматовича, передавала приветы от сотрудников Брестской крепости, от себя. Рассказала о недавних находках близ Ковалево, где он воевал, спросила, что он думает по этому вопросу.

С Габбасом Жуматовичем мы познакомились более 48 лет назад. Я, будучи юным корреспондентом республиканской детской газеты «Дружные ребята», решила взять у него интервью. Так началась моя история сбора материалов по защитникам Брестской крепости и участникам боев в районе г. Брест. Встречу Габбас Жуматович мне назначил в парке имени 28 героев-панфиловцев. Потом мой материал был опубликован в газете [1].

Запись 12 декабря 2010 г.

Мы часто и сейчас вспоминаем то время, как в парке имени 28 героев-панфиловцев впервые встретились, сели на скамейку, и я внимательно слушала и записывала в блокнот рассказ о Брестской крепости. Результатом этой встречи явилась моя заметка в газете. Это было мое первое интервью о защитниках Бреста, о великом подвиге красноармейцев, и в том числе казахстанцев, волею судеб оказавшихся в первый день войны в самом пекле.

С Габбасом Жуматовичем судьба нас свела на долгие годы. С 1971 года я – в Казахском Национальном университете имени аль-Фараби, а профессор Жуматов – с 1946 года. И по сей день, он – почетный председатель Совета ветеранов университета. В 80-е

годы я работала с ним на профсоюзном поприще в университете, затем стали работать на одной кафедре. В 90-е годы вместе думали, как выжить ветеранам, и как им помочь. Время было тогда сложное. Была я у него и на юбилеях, и в сложные годы в разных жизненных ситуациях.

Особо запомнился декабрь 1991 года. Юбилей Победы битвы под Москвой. Из Казахстана на празднование Победы в Москву по приглашению России (в то время Горбачева и Ельцина) поехали только два человека. Это был Г.Ж. Жуматов и мой отец – Сейсенбек Мухамедиевич Ахметов. Они, ветераны битвы под Москвой, впервые встретились во время поездки, и потом все время спрашивали меня, почему я их никогда не знакомила. Я удивлялась, при чем здесь я? Мне и в голову не могло прийти, что они были друг с другом незнакомы!

Ведь мой отец дружил с Владимиром Ивановичем Фурсовым, защитником Брестской крепости, также работавшем в КазГУ. Мало того, они учились вместе (Фурсов – на биологическом факультете, мой отец – на факультете журналистики) и жили в одной комнате с табличкой «Инвалиды Великой Отечественной войны».

В одной из публикаций о Жуматове я прочитала, как ему в настоящее время женщины хотели помочь надеть пальто, а он возмутился и оделся сам.

В этом – весь Жуматов. Когда он приходил на кафедру, в профсоюз, на встречи, всегда был галантен, особенно с девушками, которые, естественно, смущались! Мы, все женщины, к сожалению, не привыкли к ухаживанию, вниманию. Да и большинство мужчин это не жалуется! К тому же восток – совсем другое! А Габбас Жуматович и в этом превзошел многих! Именно уважение, известная доля юмора, красивое ухаживание за всеми женщинами на кафедре снискала ему славу галантного и любимого всеми мужчиной.

Это всего лишь наброски наших встреч и той огромной любви и уважения к старшему другу и товарищу Габбасу Жуматовичу Жуматову!

Я очень счастлива, что в декабре 2010 года я вновь посетила Габбаса Жуматовича, была у него дома, взяла интервью уже с позиций прошлого и сегодняшнего дня.

Встреча была и радостной, и печальной. Мы вспоминали давно ушедших знакомых нам обоим людей, близких нам не только родственными или дружескими связями, близким нам идейно и духовно, понятным только нам, с полуслова и полувзгляда. Мы о многом говорили: о том далеком прошлом и сегодняшнем дне. Думали и о будущем.

Я восхищалась подарками, преподнесенными ему, и не только в дни юбилеев! Попробовала поднять казацкую шашку, достаточно тяжелую, даже без чехла. Сразу же представляя, как ее нужно горделиво поднять вверх и скакать на коне, как нам показывают в художественных фильмах. Мне даже показалось, что она по величине выше сейчас Габбаса Жуматовича! А ведь более двух с половиной лет на войне в 5-м Донском гвардейском кавалерийском корпусе, где потом пришлось служить капитану, казаку Жуматову, имелось такое обмундирование.

– Пути Господни неисповедимы! – так сказали бы православные!

А это ведь так! Казах в казацком корпусе?

Как он туда попал? А просто. Вызвали, спросили:

– Умеешь сидеть на коне?

Жуматов рассмеялся:

– Какой казах не скакал на коне? Конечно!

Так и попал в казачий корпус. На войне приказывают и направляют где воевать. Так и закончил войну в 5-м Донском гвардейском кавалерийском корпусе.

Любуясь инкрустированной казацкой шашкой, услышала от Жуматова, что такие шашки (без инкрустации, естественно) имели рядовые бойцы, а у него был кортик. Союз казачьих общественных объединений Казахстана в честь одного из юбилеев Победы подарил полное обмундирование из казацкого войска, и, естественно, оружие также!

Поговорив обо всем, мы постепенно переходим к той главной теме, о которой давным-давно в одной из бесед где-то с горечью сказал мне Жуматов:

– Ну, почему всех интересует только первый день войны? А сколько их было – не первых? И везде, и всегда гибли люди! И тысячами гибли. Все время считалось, что это небольшой эпизод войны! А сколько дней и ночей, минут и секунд, военных, где все

время гибели и гибели советские солдаты, зачастую безымянные, безвестные!

Этот возглас-раздумье Жуматова, прозвучавший несколько десятилетий назад, я помню все время и думаю об этом!

Да, действительно, надо благодарить Сергея Смирнова и не только его, людей, которые первыми заговорили о Брестской крепости, не сдавшейся на милость врагу, хотя фронт уже ушел далеко на восток. Крепость, которая, как мы помним по фильмам и книгам, воспоминаниям оставшихся в живых и открытым архивам, ежесекундно и постоянно до гибели последних, как человека, так и просто радиосообщения, звучала в открытом эфире «Я – крепость! Я – крепость! Веду бой!».

Да, об этом сегодня мы можем с горечью размышлять, что на каждую минуту войны не нашлось такого человека как Сергей Смирнов, не побоявшийся бросить перчатку вызова системе и заговорить о крепости, и, главное, об ее защитниках. Ведь судьбы большинства из них: это – мгновенная смерть или это первый бой, плен немецкий, и, если выжил, проверка и клеймо на всю оставшуюся жизнь, или у некоторых и лагерь советский...

И безмолвие... Ведь документы 4-ой армии, в том числе и Брестской крепости, как и многих других, сгорели в пламени войны в первые же дни.

А потом забвение на несколько лет. Трудно говорить о поражениях, гибели оставшихся красноармейцах в том же Брестском гарнизоне на произвол судьбы в первые минуты растерянности и отступлений...

Главной была Победа! Мы за ценой не постояли! И только потом, когда несколько утихли фанфары Победы, наступает трезвое осмысление того, что случилось. Наступает постепенно, не торопясь, а люди, уцелевшие в той войне, так хотели бы при жизни чувствовать не только Победу, но и признание лично и вклад каждого из погибших и выживших...

Не все смогла сделать страна в те минуты и первые годы Победы. По многим причинам, в том числе и, в первую очередь, идеологическим...

Проходят годы, и каждое поколение может внести свою часть в историю великой войны. Появились новые страны, и каждая суверенная республика также может дать свой взгляд на участие наших солдат в далекие сороковые годы.

Велика заслуга советского народа, и, в первую очередь, белорусского народа, которые не только бережно хранят, но и собирают материалы о войне. Путем анализа и доказательств постоянно идет научная работа по воссозданию подвига, совершенного в Бресте и крепости.

Работа проводится и у нас в Казахстане, ведь наших соотечественников, встретивших первые часы войны в Брестской области, было немало!

– Габбас Жуматович! В советское время мы говорили о том, что много казахстанцев было в Брестской области. Я помню, как вы собирались каждый раз 22 июня в старом Доме офицеров в Алма-Ате, как вы сами самоорганизовывались. Были ветеранские организации в каждом городе, районе, области. А внутри них велась работа по направлениям. Вы были среди защитников Москвы и среди защитников Бреста. Я знаю, что много защитников Брестской крепости было в Семипалатинской, Северо-Казахстанской, Джамбулской областях. Называю старые названия областей и городов, чтобы не запутаться. Защитники Брестской крепости и участники боев в районе г. Брест из Алма-Аты и Алма-Атинской области всегда собирались вместе.

Я все время удивлялась, глядя на ваши встречи, почему так много алма-атинцев? Тогда моих знаний и знаний других не хватало для объяснения этого феномена. Сейчас мы многое знаем об этом и может доказать документально участие алма-атинцев и других казахстанцев в первых боевых действиях в Брестской области.

Время бежит. Увы, так мало Вас осталось, и тем ценнее Ваши мысли и мнения по разным жизненным коллизиям. Как сейчас Вы смотрите и вспоминаете то далекое прошлое?

– Главное, смотрите на то, что произошло. Я не говорю обо всем нынешнем поколении, я говорю о некоторых людях и деталях, ... – тактично замечает Жуматов. – Читаю, смотрю телевидение, слышу и слушаю разные мнения. Общество меняется. Сейчас могут оскорбить ветерана, пусть афганской войны, что их туда не посылали. Несколько лет назад одна женщина, у которой отец пропал без вести, был в районе города Брест или в Брестской крепости, сейчас это, ой, как трудно доказать, да и в советское время также, пыталась что-то доказать, что я не был защитником Брестской крепости. Причем говорила, что мы оставшиеся в

живых забираем всю славу, а те, кто погиб или пропал без вести, – это настоящие герои. Почему мой отец безвестен? – задавал мне вопрос она.

Имеются высказывания некоторых ветеранов, что я – не защитник.

Жуматов достал блокнот и пытался мне нарисовать карту Бреста и своего родного форта Ковалева, находящегося в десяти километрах от крепости.

– Да, я никогда не говорил, что был в самой крепости на 22 июня. Но форт Ковалево – это тоже Брестская крепость, то есть крепость имела несколько фортов, которые ей подчинялись.

– Это как бы подразделения, – помогаю я.

– Да, именно благодаря этому мы выжили, среди того числа великого множества счастливых и несчастливых фактов. И еще я выжил благодаря тому, что был в артиллерии, а не в пехоте. То есть мы, бывшие студенты, были образованными. Затем, уже не в Бресте, а сразу же после нескольких месяцев боев меня назначили командиром.

Я всем говорю, обращайтесь в музей Брестской крепости, там все собрано, там все есть. Безусловно, собрано все, что смогли собрать. Множество фактов и много людей без вести пропало. Вот сбросили бомбу «Карл» на крепость, и все! Образовалась огромная воронка. О чем можно говорить? Если даже от бомбежек стены плавилась... О каких людях, ведь и костей даже не осталось!

Да, мы воевали в то время, и некогда было вести дневники и записи, это было уже потом. А тогда надо было воевать, прорваться к своим, не попасть в плен и многое другое. Находиться в окружении врагов – и жить, и воевать, и прорваться в то время к своим – это очень нелегко!

... Жуматову повезло. Вырваться из форта Ковалево, не попасть в плен, скрываться, сражаться, и идти на восток, соединиться с Красной Армией. Вот это его личное солдатское счастье, которое среди тысяч и тысяч красноармейцев, оказавшихся в Брестской области, удалось единицам.

– Несколько слов о кино, и документальных фильмах в том числе. Да, подвиг надо воспевать. Но старое кино, – там ведь политика! И кто в главной роли! Никакой слаженной организации особенно не было! Но бойцы в крепости выполняли приказ, и,

командиры, конечно же, пытались организовать в единое целое. Это ведь – Красная Армия! Просто огромное количество некомпетентных людей рассуждает о том, что могло быть или не могло быть. Военный человек поймет, о чем идет речь!

Поговорив о превратностях судьбы, о том, что с каждым годом вдруг появляется кто-то сомневающийся, Жуматов оптимистично заявляет:

– Наверное, это так и должно быть. Все забывается. А каждый хочет быть причастным, мы – ведь люди!

О книге Смирнова. Она – первая, главная, идеологизированная. В июне уже были учения. Нурум Сыдыков ведь был на учениях, а не в крепости. В целом, в крепости было восемь-десять тысяч человек. Половина из них была на учениях.

О книге Н. Шахова «Казахстанцы – защитники Брестской крепости». Писал хотя и осторожно, но много было неверного. Искажал местность, полк. Где он сейчас? В 90-е годы приходил ко мне и сказал, что уезжает, куда не сказал. Он был в Брестской крепости. Там ему указали на ошибки. Но все у него ведь осталось. Все ведь читают его книги. О нас он написал, что мы сражались за железнодорожным полотном. Мы там не были!

Я обращаюсь к своим записям. Рассказываю, что собрала всех участников в таблицу. Какие там графы, как я систематизирую свои поиски. Прошу Жуматова прокомментировать то, что у меня накоплено. Читаю по алфавиту каждого и рассказываю о нем, что у меня есть. О некоторых он молчит. То, что знает, комментирует. Вот мои записи по этому вопросу.

– Абсалямов Галым служил в другом полку. Но мы его знали. Землячество в армии – дело святое!

Баталов был с нами в форте Ковалево.

Батыргереев из Алма-Аты. Остался жив.

С Гаджиевым встречались после войны.

Горянов – алма-атинец. Остался жив.

Деревянко Григорий. Я собрал его личные вещи после войны и передал в музей. Он – из КазГУ. Сначала с нами был в форте Ковалево и нашим комсоргом. За месяц до войны был переведен в артбатальон в Брестскую крепость. Погиб в Брестской крепости. Долго держался. Самолет разбомбил.

Немцы специально послали за ним. Говорят, прямым попаданием бомбы погиб. Деревянко в нашем полку был не только

комсоргом. Он был самым грамотным, образованным. Он – аспирант КазГУ, а мы только полкурса закончили. А он – человек! После его ухода комсоргом полка избрали Чултурова. Деревянко – настоящий герой!

Димулин Михаил. Я его знал. Встречались в Алма-Ате после войны.

Егоров Петр. Остался жив. Встречались с ним после войны.

Жарменов жил после войны в Чимкенте.

Исламхайдоров – алма-атинец, наш.

Иманкулов умер после войны. Жил в Мерке.

Карболин. С ним после войны часто встречались.

Качанов, Лебедев, Леонтьев – тоже часто после войны встречались.

Абдразак Мамиев. Дружили семьями. Он вернулся инвалидом, без ноги. У его сына спроси. Он много расскажет.

Нигматуллин – наш, казахстанец. Недавно скончался.

Ниязов – казахстанец. После войны жил в колхозе имени Мичурина в Алма-Атинской области.

Садыков Нури. Лучший друг Фурсова. В 1940 году, когда ехали в Брест в эшелоне, они все время вместе были.

О Сатыбалдине отдельно расскажу.

Севастьянов – алма-атинец, встречались после войны.

Страутман тоже с нами был вместе в форте Ковалево. Остался у него дядя. Я ему после войны все рассказал.

Сулейменов Шайкен – студент из Алма-Аты. Погиб во внешнем форте Брестской крепости. Мы ехали в одном эшелоне. Он был очень высокого роста. И мы все подсмеивались над ним. Когда спит, некуда было ноги убрать. Постоянно ему говорили: «Ноги убери!». Хорошо его знает и Хаджимурат Сыздыков. У него (Сулейменова) был брат в Алма-Ате, доктор медицинских наук. Он многое рассказывал Лозинскому (славный человек!) и Литвиненко из музея Брестской крепости.

Они все записали. Должны были его в защитниках или участников боев в районе г. Брест утвердить.

Супиев – казахстанец.

Сыздыкова Хаджимурата знаешь, он из нашего форта Ковалево тоже.

Технеряднев вернулся с войны, мы уже после войны встречались.

Трофимов тоже из форта Ковалево. Он, как и Павел Гончаров, был из газеты «Ленинская смена».

Чултуров Шавкат. Наш комсорг. Из Алма-Аты. Он закончил Тимирязевскую академию в Москве. С нами вместе призывался.

В одном нашем эшелоне ехали всего 4 человека, имеющие высшее образование: Мамиев – учитель, Чултуров, Файзулла Турумов – тоже московский вуз – ИнЯз – заканчивал, немецкое отделение, и Турар Сатыбалдин – преподаватель высшей математики физмата КазГУ.

Шапошников был из нашего полка.

Угренинов с нами был в 204 гап, наш, казахстанец, погиб.

– Как ехали в эшелоне?

– Вагоны – теплушки, или телячьи были. Их так раньше называли. Постелили солому, так и ехали. Не знали, куда едем. В вагоне – по 30-50 человек. Родные в Актюбинске очень меня ждали. Но не встретились. Моя мать рассказывала, что всю ночь проплакала. Ведь все знали, что на войну едем.

Наш разговор идет обо всем. Жуматов вспоминает.

– Война закончилась. О нас никто не знал. В Бресте побывал в первый раз после войны в конце 50-х годов, потом в начале 60-х годов. Вместе были – я, Фурсов, Чултуров, Х. Сыздыков, Нигматуллин. Там нас встречали всегда как родных. Брестчане нас сами находили. Сулейменова нашли сами, например.

Расскажу о Тураре Сатыбалдине.

Как всегда шли у меня занятия в Казахском государственном университете. Во время занятий в дверь кто-то стучит. Открываю. Стоит мальчик лет 13-14.

– Подожди, – говорю я. – Скоро лекция закончится, потом поговорим, на перемене. И вдруг вижу в его руках свою фотографию. На ней сфотографированы 4 человека: Турар Сатыбалдин, я и еще двое наших. Я, забыв обо всем, прослезился. Такой фотографии у меня не было. Это – память. Он и я – уже командиры.

Я вспомнил все. И тот день тоже.

Под Будапештом, у озера Балатон. Я уже два с половиной года воевал в составе Донского казачьего кавалерийского корпуса. Форма такая заметная! Иду, и вдруг слышу:

– Эй, Габбас, кайда барасың? (Эй, Габбас, куда идешь?)

– Қайда барам? Соғысқа аттанып барам. Ал сен әлі де маңызды адамсың ба? (Куда иду? Иду воевать! А ты до сих пор важный такой?)

Казахская речь на Балатоне была неожиданной и удивительно звучной!

Мы не виделись с Тураром с июня 1941 года, а был уже 1945 год. Обнялись, расцеловались. Так обрадовались! Живые! Столько лет прошло!

У меня была водка. Естественно, выпили. Скоро наступление. Кто останется после боя? У каждого из нас были ординарцы. Положено по штату как командирам. И мы договорились, что встретимся после боя в королевской резиденции. Если что случится должен прийти ординарец, и все рассказать.

Прощались, прослезились. При взятии Будапешта много наших погибло. Да и везде так было! Будь-то Австрия или Рур! Везде немцы отчаянно дрались. Мы ведь уже воевали на западе, не у себя. Мы знали, что скоро Победа, но как до нее дожить? Об этом никто не знал!

Бой закончился. Я был ранен осколком в левое плечо (Жуматов показывает мне шрамы той раны, 12 мл от вены). Лежу в корпусном госпитале. Только поступил. Кровь идет. Вдруг вижу ординарца Турара. Он опустился рядом со мной на колени и заплакал:

– Ваш друг погиб.

Я не знаю, что со мной случилось! Я так сильно плакал. Я рвал рубашку на груди, рвал все, что на мне есть. Насильно меня уложили в кровать, связали руки. Долго я не мог придти в себя.

... И вдруг эта фотография, последняя весточка – память Турара. Я разволновался. Не мог уже вести занятия. Пришел мой коллега Каратаев, продолжил занятия. А я пошел с племянником Турара.

Такая же нечаянная встреча случилась уже после войны с Абдразаком Мамиевым на одном из вечеров в Алма-Ате. Он в то время жил в Узун-Агаче, где музей Джамбула.

Абдразак долго молчал, никому не рассказывал, что был защитником Брестской крепости.

В то время он был уже директором школы, очень уважаемым человеком. Сейчас эта школа носит его имя. В школе есть много

материалов о нем. И если бы не эта случайная встреча, он бы и не дал о себе знать.

Я с первых же дней работал на общественных должностях в Совете ветеранов войны. Тогда не было Советов ветеранов войны, как потом и сейчас. Было два филиала Советского комитета ветеранов войны в Казахстане – в Алма-Ате и в Караганде. Я был членом Совета ветеранов в Алма-Ате и возглавлял совет по идеологии более 10 лет. Председателем сначала был Иван Щеглов, потом генерал-майор ОСОВИАХИМ Байтасов, позже уже генерал Сагадат Нурмагамбетов.

Благодаря своей общественной деятельности я много ездил по памятным мне местам. Это мы создали Сталинградский Совет, Совет Брестской крепости, Совет штурма Берлина, Совет битвы под Москвой, Совет по войне с Японией и др.

Совет Бреста был создан в 1957-58 годах. Через этот Совет мы собирали данные о наших воинах казахстанцах. Человек 30-40 только алма-атинцев и из Алма-Атинской области было! Из Талгара, колхоза имени Мичурина, Каменки приезжали сюда на заседание Совета. Чултуров, Шаповалов, Димулин, Егоров – все входили в Совет. В праздничные дни обязательно собирались и возлагали цветы к Вечному огню. Отчитывались на Совете о своей работе, были прикреплены к школам. Нам давали заявку из школы, и мы шли и выступали перед школьниками с рассказами о войне.

В течение 10 лет я ездил в Москву. Сама помнишь, как с трудом меня отпускал Турсунбаев (профессор А.Б. Турсунбаев – наш заведующий кафедрой). Все время говорил:

– Ты, Жуматов, только все время и ездешь!

У меня много друзей. Если ехал в Москву, обязательно старался попасть в Брест. По нашим меркам, это ведь недалеко!

В Бресте были еще живы Варламов, наш командир взвода, Литвинов. Я – командир отделения. Часто бывал у них. Отчитывался по идеологии, интернациональному и патриотическому воспитанию. Когда встречались, всегда каждый отчитывался, кто что сделал, опытом делились. И сейчас я в строю, много выступаю, рассказываю, как это было! И как мы Родину защищали!

В Бресте я всегда бывал в музее. Наш форт Ковалево сохранился. Там бывал всегда. В музее крепости сохранилась моя

кандидатская карточка. Часть документов партийных и военных все-таки уцелела. Это Литвиненко, работник музея, нашел. Однажды позвонил и сказал, что Ваши документы нашлись. Кандидатская карточка члена ВКП(б).

Июнь 1941 года. Мы должны были скоро ехать домой, а началась война...

Послесловие. Запись 7 сентября 2013 года

Первые минуты и часы войны интересны всем. Как наши соотечественники оказались в Брестской области, в городе и крепости? Почему так долго молчали власти, историки, поисковики? Почему так много мифов и легенд о Брестской крепости? Время только-только начало открывать свои тайны. Тайны первых часов войны.

Это запись – разговор двух историков, давно знающих и доверяющих друг другу. Это обмен информацией, размышления о прошлом, которое сложно для восприятия нынешнего молодого поколения.

Но это – казахстанская история, взгляд фронтовика и человека, воспитанного на примерах гордости и любви к участникам Великой Отечественной войны, которые в трудные минуты защитили свою страну.

Пояснения по рассказу Г.Ж. Жуматова.

Можно соглашаться или не соглашаться с количеством защитников Брестской крепости.

Высказано мнение Жуматова в отношении Григория Деревянко, что он погиб в крепости. Есть и данные, что, вероятно, он был взят в плен и погиб в лагере Бяло– Подляска.

Заслуга Габбаса Жуматова в том, что всю послевоенную жизнь он посвятил поискам казахстанцев, участников войны, и, в частности, боев в Брестской области в 1941 году в том числе. Много писал сам, давал интервью [2]. Находил родственников погибших, передавал материалы в музей Брестской крепости. Даже нашел казахов из Астраханской области – защитников Брестской крепости и участников боев в районе г. Брест.

20 сентября 2018 года Г. Ж. Жуматову – 100 лет.

Источники:

1. Ахметова Л. Самая дорогая награда //Дружные ребята, 1970, 20 февраля.
2. Жуматов Г. Жизнь и судьба. – Алматы: Казахский университет. – 2008. – 280 с.; 204 ГАП, Жуматов Г.Ж. – фото. Фонды ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» – 2011, 28 июня.

КУСАНОВА Шагила Акимбаевна

Говорить о всех ветеранах невозможно, каждый из них личность, человек, проживший большую, трудную, но счастливую жизнь Родные моему сердцу Ш.А. Кусанова, В.И. Фурсов, Г.Ж. Жума-тов. А.Г. Лукьянов, Ю.Г. Басин. Люди, которых я знала не один десяток лет. Мои учителя, наставники, коллеги, друзья.

Такие разные по характеру, но такие близкие по душе, родному университету, люди, с которых я всю жизнь брала пример, училась и работала с ними, брала интервью на военные темы и о творческой их биографии. И о том, и о другом всегда было говорить интересно и трудно. В жизни каждого были минуты горечи и радости, безграничной веры и разочарования. Так уж сложилось, что познакомилась я с ними в шестидесятые годы, когда была еще школьницей.

Когда-то я писала о дорогой моему сердцу женщине: "Солдат, студент, профессор". Это Шагила Акимбаевна Кусанова, обаятельной и жизнерадостной девчонкой ушедшая со студенческой скамьи на фронт. От начала до конца, всю войну была радисткой. В любое время, днем и ночью, в дождь и пургу выходила в эфир смуглолицая, стройная дочь солнечного Казахстана. В 1945 году вернулась в КазГУ. Тогда, в честь нее, был организован митинг. Об этом оставил свои воспоминания ректор КазГУ И.К. Лукьянец. Она вернулась первой с войны в 1945 году. И, конечно, радости и ликования по поводу Победы и возвращения с фронта своих студентов и преподавателей было много, хотя и слез было достаточно, ведь большинство не вернулись...

Тогда же, и начались трудные ступени роста Ш. Кусановой: большой и интересный путь от студента до профессора, заведующего общеуниверситетской кафедрой. Более полувека проработала она в университете. Практически вся история перед ее глазами: как из маленьких разрозненных зданий превращался КазГУ в красавец университет, гордость Республики Казахстан. О многом вспоминала она при встречах, отличный рассказчик,

интересный собеседник, занимающий активную жизненную позицию.

Солдат, студент, профессор

Ежегодно в лекционных аудиториях Казахского государственного университета имени С.М. Кирова встречаются студенты с доктором исторических наук, профессором Шагилой Кусановой. Она ведет курс истории КПСС. Читает лекции доходчиво, на высоком идейно-теоретическом уровне. Особенно живо, интересно и содержательно проходит лекция по теме «Партия в период Великой Отечественной войны». И это не удивительно. Лекция насыщена такими примерами, о которых студенты слышат впервые. Вполне естественно, что после такой лекции кто-либо из студентов обязательно задаст Шагиле Кусановой вопрос: «А вы сами были на фронте?».

И хотя к такому вопросу уже можно было привыкнуть, но всякий раз на лице профессора – волнение. Она на мгновение умолкает, а перед глазами встают события сорокалетней давности.

... Лето сорокового года. Воспитанница детского дома Шагила Кусанова в последний раз пришла в Никитинскую среднюю школу Уланского района. Это был памятный день. В торжественной обстановке директор школы вручил ей свидетельство об окончании десятого класса. «Восемь лет воспитывалась в детском доме, и училась в нашей школе Шагила, – сказал он. – Училась только на «отлично». Была примерной пионеркой, активной комсомолкой. Теперь она едет учиться в Алма-Ату. Мы верим, что она будет честной, преданной Родине патриоткой».

В том же году Шагила успешно сдала вступительные экзамены и поступила на историко-филологический факультет. Училась прилежно. Незаметно пролетел напряженный год учебы. Шли к концу экзамены. Последний из них пришелся на 23 июня. А за день до этого началась война. Многие комсомольцы твердо решили пойти добровольцами на фронт. Среди них и Шагила Кусанова. Из девушек – добровольцев алма-атинских вузов – городской военный комиссариат сформировал роту и направил ее в Ташкент на двухмесячные курсы радисток. «1 сентября, – вспоминает Шагила, – мы приняли присягу. Занимались днем и ночью, а в день годовщины Великого Октября нас направили

на фронт. Я и несколько девушек попали в Крым. Там, под Феодосией, я и приняла боевое крещение».

В мае 1942 года Шагилу Кусанову перевели радисткой в 33-й гвардейский артиллерийский полк, в составе которого она прошла по дорогам войны до Берлина.

– «Сокол! Сокол! Я – Чайка! Передаю координаты...»

И вслед за этим артиллерийские снаряды летели в стан врага, метко разили атакующих фашистов. Координаты и целеуказания передавала дивизионам Шагила. Ее рация всегда была исправной. В любое время, днем и ночью, в дождь и пургу она готова была выйти в эфир. Смуглолицая, стройная дочь солнечного Казахстана всегда была жизнерадостной.

Однажды во время бомбежки Шагила была ранена, но боевого поста не оставила. Она наотрез отказалась отправиться в медсанбат. Лишь в минуты затишья ходила на перевязку в санроту. Тогда-то, в начале февраля 1943 года, она отправила письмо младшему брату: «Дорогой Бейсембай! Враг под Сталинградом разгромлен. Мы получили медали за его оборону. Я этому рада. Вместе с тем я в эти дни очень скорблю. Вражья пуля оборвала жизнь моей подруги Зои Досбергеновой. Пока я не отомщу за нее фашистским извергам, не успокоюсь».

И гвардейцы-артиллеристы беспощадно мстили гитлеровцам за смерть своих военных товарищей. 33-й гвардейский громил оккупантов в Харькове, на территории правобережной Украины, насмерть стоял на Сандомирском плацдарме, участвовал в освобождении от фашистской неволи братских народов Румынии, Чехословакии, Польши, штурмовал Берлин. В одном из номеров газеты 5-й танковой армии, куда входил 33-й гвардейский артиллерийский полк, была помещена фотография отличной радистки Шагилы Кусановой. За четкую и безупречную работу, способствующую успешному выполнению полком боевых заданий командования, гвардия младший сержант Шагила Кусанова была награждена медалями. Она имеет несколько благодарностей Верховного Главнокомандующего.

Отгремели орудийные залпы войны. Наступил долгожданный мир. Среди вернувшихся с фронта была Шагила Кусанова. И вот снова университетские аудитории. В 1949 году она успешно окончила историческое отделение и была оставлена в аспирантуре при Академии наук Казахской ССР. Через три года Шагила

Кусанова защитила кандидатскую диссертацию. Создала семью. Работает и растит детей. Теперь Шагила Кусанова – профессор, заведующая кафедрой истории КПСС естественных факультетов Казахского государственного университета имени С.М. Кирова.

«... Да, я была участницей великого сражения. Отсюда, из университета, ушли на фронт. Вместе с подругами».

Примолкла аудитория. Смотрят студенты на своего преподавателя и не пытаются скрыть восхищения ее мужеством, ее героизмом, ее несгибаемой волей...

Вот такой материал был опубликован мною в первой книге о студентах Казахстана «Наш адрес – КазГУ» в 1984 году.

Мои родители дружили с семьей Ш.А. Кусановой. Бывали друг у друга в гостях. Они встречались и по работе, так как у них были общие интересы. Я помню их квартиру на Курмангазы.

Из биографии:

– Родилась 14 апреля 1923 г. в ауле Бозамбай Восточно-Казахстанской области.

Ее мама умерла при родах, а отец был расстрелян, когда Шагиле было 6 лет. Правда об этом она узнала в 90-х годах XX века. Испытала голод, холод, сиротскую долю сполна. Потом ее отправили в детский дом, работала техническим секретарем в школе, пионервожатой.

В 1940 г. поступила на историко-филологический факультет.

В 1941 г. после окончания 2-х месячных курсов связистов добровольцем ушла на фронт. Воевала на фронтах Украины, Крыма, Сталинграда в составе 33 гвардейского артиллерийского полка. Участвовала в освобождении от немецких захватчиков Молдовы, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польши, Германии.

В КазГУ работала ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой, профессором.

В 1949 г. закончила исторический факультет КазГУ, в 1952 г. – аспирантуру Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.

В 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию. В 1978 г. – докторскую диссертацию.

Награждена более 30 медалями, в том числе «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», двумя медалями «За отвагу», медалью Республики Чехословакии «За участие в восстании

словацкого народа». Заслуженный работник Высшей школы КазССР.

В моей памяти скромная, маленькая, с великолепной фигурой, копной черных волос. Однако при необходимости твердая и обладающая великим чувством справедливости, не бросающая своих в трудностях. Оптимист, но знающая цену несправедливости всегда и во всем, так как она, как и все, жили с этим все это трудное время.

Шагила Акимбаевна любила шутить о себе, когда ей говорили комплименты, и вполне заслуженно все отмечали ее красоту, она говорила:

– Сзади пионерка, впереди пенсионерка...

Недолго я работала на ее кафедре. Только пришла и вдруг она меня приглашает на разговор. Мы закрылись. Разговор шел о том, почему я ушла из профсоюзов. Эту историю я обязательно напишу отдельно, но тогда это был мой выбор, я просто не хотела и не могла работать с непорядочными людьми. А ей, естественно, доложили, что меня убрали со всякими разными выдуманностями подробностями. У меня были свидетели. Я просто сказала, мой уход связан с моим личным решением и об этом знают ректор У.А. Джолдасбеков, местный комитет, можете спросить, например, Р.М. Алимжанову, заместителя председателя, или просто понаблюдать, будут ли гонения на меня. А разговоры, они всегда будут, потому что я была на виду, активна, а кому это нравится, а тут вдруг неожиданно ушла. Недруги любят сплетничать, а ряд людей просто любят домысливать и сделать кому-то пакость. Сейчас все гадают, как можно уйти самой с такой должности?

Позже я сказала ей о том, что жду ребенка. Конечно, она очень обрадовалась, а я ждала от нее резкой реакции, что взяла на работу человека, который скоро уйдет в декрет, кому это надо?

Тогда и потом мы много беседовали о трудности женщины в науке. Я слышала горечь в ее словах, как только не помыкали ею, что женщина, когда узнавали, что она беременна... Поэтому она меня безоговорочно поддержала, и никто больше не смел говорить, почему я ушла с общественной работы.

Я все время помню ее взгляд знающего и мудрого человека, фронтовика, ученого, матери, защитницы...

В принципе в тот период она ведь и была для меня матерью-защитницей. И это многого стоит. Поддержать человека, когда он беззащитен.

Помню начало 1987 года, начались преследования и обвинения всех и каждого в декабрьских событиях 1986 года. Моей дочери было только полгода, я ее еще кормила сама, сидела, в основном, дома в своем микрорайоне «Казахфильм». Однажды звонок от Шагилы Акимбаевны. Я удивилась, а она просила меня приехать на собрание партийной организации кафедры. На повестке дня: исключение из партии профессора М.Ж. Аргынбаева, который уже после моего ухода в декретный отпуск пришел на кафедру, в принципе так же, как и я временно, потому что в середине года не было ставок у других, у кого были ставки на гуманитарных факультетах, туда и до конца учебного года и брали на работу, чтобы в начале года перевести их по своей специальности. Она мне просто сказала:

– Ляля, твой голос нужен.

Хорошо, что у меня была на такие случаи приглашенная нянечка. Как обычно партийные собрания, где имеются исключительные случаи, длятся долго, по 7-8 часов.

Я дала денег нянечке и попросила на такси привезти ребенка для кормления с микрорайона «Казахфильм» на кафедру, которая находилась на химическом факультете КазГУ на улице Виноградова напротив Никольского базара.

Нянечка мне привезла и я, выйдя в коридор, покормила ребенка, и снова пошла на партийное собрание. Правда, придя домой поздно вечером, я получила нагоняй от своего супруга. Он мне так и сказал:

– Тебе работа важнее ребенка...

Вот такие были дела!

Нам новое партийное руководство университета долго и мучительно вдалбливало, о том, что надо исключить из партии профессора М.Ж. Аргынбаева и называло его самые разные грехи, которые он сделал раньше до работы на нашей кафедре. Заставляли всех высказаться и осудить. Потом мы проголосовали за тайное голосование. И в результате большинством голосов он был оставлен в рядах партии. Один голос был мой. Я выполнила просьбу заведующего кафедрой.

В принципе, все понимали, что каждый из нас может попасть под прессинг и тяжелый каток репрессий, потому что все знали о каждом в университете, и сколько людей уже пострадало.

Кстати, это не прошло бесследно для Шагилы Акимбаевны. Чуть позже, к осени ее освободили от занимаемой должности в связи с пенсионным возрастом, так было написано в приказе. А заведующим кафедрой стал профессор М.Ж. Аргынбаев. Но это уже другая история.

Еще об одном случае заботы Шагилы Акимбаевне обо мне я должна обязательно рассказать. Это уже было при ректоре К.Н. Нармбаеве. Я работала председателем профсоюза преподавателей и работников КазНУ им. аль-Фараби. Это было в 1997 году. Шло обсуждению моей докторской диссертации на кафедре истории Казахстана. Более 50 человек – членов кафедры. Идет заседание. На казахском языке, изредка переходящем на русский язык, заведующий кафедрой рассказывал обо мне. Кто я такая? Я не смею писать об истории Казахстана. Еще и тема патриотизм! Женщина – твое место сзади всех... И это около часа монолога заведующего кафедрой. Я давно заметила, что, если человек не встречает сопротивления, он сам от своего откровенного разговора воодушевляется и вдохновляется, все более и более оскорбительные эпитеты употребляет. Возбуждился до нельзя. А все молчат, опустив глаза... Я тоже опустила глаза и пишу все, что успеваю. На казахском у меня хуже это получается, тогда я сразу перевожу и пишу. Так легче. Некоторые фразы, обрывками, не все успела записать, хотя и владею элементами стенографии и практически пишу все предложения. Где не успеваю, ставлю точки... Записи, более 20 листов, у меня хранятся до сих пор. Никогда их не читала и не перечитывала, да и сейчас не хочу. Смысл общий передала и хватит. Но не выкидываю. Все-таки общество должно знать, как и почему многие не могли защититься тогда. Надо знать причины, здесь не только были зависть, соперничество, деньги или конкуренция, боязнь, что на пятки тебе наступает молодежь (какая молодежь-то, мне было в то время уже 43 года!). Много факторов было! Надо все знать! Более 50 человек было, и только она – Кусанова – сразу же пошла на прием к ректору и рассказала об издевательствах надо мною. Об этом я узнаю много позже из уст одного проректора, и удивляюсь, почему я этого не знала... Это поступок фронтовички

и справедливого человека, так не должно быть, но воевать, она, орденоносец со всеми не стала, она просто пошла бороться за восстановление справедливости...

На следующий день меня пригласил ректор и, конечно, тоже ничего не рассказал мне, но стал расспрашивать, как моя диссертация и что вчера было.

Я к этому времени успокоилась, и поняв, что не смогу все это преодолеть, решила так:

– К черту эту диссертацию. Я, в конце концов, уважаемый доцент, меня и мои способности все знают. Проживем и без докторской диссертации.

Я, конечно, уже без эмоций, смогла просто сказать:

– Я поняла, что не смогу преодолеть тех, кто сейчас в фаворе и рулят исторической наукой. Не хочу тратить нервы.

Рассказывать ректору такие подробности, это снова заводится и нервничать. Если я не могу что-то сделать, я просто опускаю ситуацию.

Как это у известной героини:

– Я подумаю об этом завтра...

Ректор просто меня выслушал и не более того.

Я ушла и стала работать в профсоюзах.

Защитилась я только через год с небольшим. Этот завкафедрой проголосовал «За», потому что было 100% «За». Уже через некоторое время мы с ним просто нечаянно на улице встретились, и он мне сказал:

– Вы, наверное, со мной здороваться не будете?

Я удивилась:

– Почему? Вы старше меня. Мы работаем много лет в одном университете. А я всегда со старшими здороваюсь...

И уже после защиты докторской диссертации я узнала о том, что профессор Ш.А. Кусанова была у ректора и все рассказала. Шагила Акимбаевна уже не работала в нашем университете, потому что уехала работать заведующей кафедрой социально-гуманитарных дисциплин в Казахской Национальной Академии музыки в Астане.

Узнав об этом, я помчалась домой и позвонила к ней. Она взяла трубку. А я стала плакать... Она стала меня успокаивать, сказав:

– Ляля, все же хорошо. Пусть через год ты защитилась, и я следила за этим, ведь все проголосовали за тебя. Забудь об этом. У тебя начинается новая жизнь доктора исторических наук, а скоро ты станешь профессором. Ты достойна этого!

Эмоции захлестывают меня, когда я вспоминаю, как мне не давали семь лет защитить докторскую диссертацию, и сколько людей мне просто сопереживали и помогали разными путями. Об этом я в нескольких рассказах писала в первой и в этой – второй книгах.

Вот такие у меня старшие друзья и товарищи. Это люди были золотым фондом КазГУ-КазНУ им. аль-Фараби. Спасибо, дорогая Шагила Акимбаевна!

САВИЦКИЙ Станислав Николаевич

Из личного дела С.Н. Савицкого:

Инвалид Великой Отечественной войны 1 группы. Украинец.

Станислав Николаевич проработал в КазГУ-КазНУ им. аль-Фараби ровно полвека, с сентября 1946 г. по март 1996 г. Прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой, заместителя декана юридического факультета. Был проректором по воспитательной работе. Деканом ФПК.

30 июня 1955 протоколом был принят на работу в КазГУ, в связи реорганизацией Алма-Атинского юридического института в юридический факультет КазГУ, но так же, как и ранее в 1941 г. Коммунистический институт журналистики (КИЖ) вошел в состав КазГУ, так и Алма-Атинский юридический институт вошел в состав КазГУ в качестве юридического факультета, поэтому стаж работы в КазГУ исчисляется с момента работы в институте, т.е. с 1946 г.

Среди его научных трудов: 3 учебных пособия, одно из которых на казахском языке, множество статей как по научным, так и по общественным темам.

Являлся основным составителем Кодекса КазССР об административных правонарушениях, а также целого ряда нормативных актов, связанных с вопросами организации управления.

Награды: орден Отечественной войны 1 степени, 12 медалей, в том числе «За Победу над Германией», «За доблестный труд», «За трудовое отличие», 3 Почетные Грамоты ВС КазССР. Удостоен звания «Заслуженный работник высшей школы КазССР».

Автобиография

Я, Савицкий С.Н., родился в 1921 г. в с. Жванец Каменец-Подольского района УССР в семье крестьянина-бедняка.

До революции отец своей земли не имел и арендовал 1 га, после революции имел 1.5 га земли. С образованием колхоза семья вступила в колхоз.

В 1936 г. семья переехала в с. Алексеевку Акмолинской области, там отец работал в одной из промартелей.

В 1940 г. родители переехали в с. Жванец Каменец-Подольской области, где проживают и в настоящее время. Отец в настоящее время работает в колхозе, мать – домохозяйка.

Я начал учиться в 1929 г. После окончания средней школы учился с 1939 г. в Омском мединституте, который не окончил в связи с уходом 1 октября 1941 г. в Красную армию. В рядах Красной армии служил с ноября 1941 г. по день ранения – август 1942 г. После ранения находился в госпитале на излечении по 27 августа 1943 г.

В октябре 1943 г. поступил в Алма-Атинский юридический институт, который закончил в 1946 г.

С 1946 по 1947 гг. работал ассистентом кафедры теории и истории государства и права. В октябре 1947 г. поступил в аспирантуру при Алма-Атинском юридическом институте по кафедре советского государственного права.

После окончания теоретического курса аспирантуры, в 1950 г. был принят преподавателем. В январе 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на Ученом Совете Московского юридического института. Член КПСС с 1945 г. С 1953 г. и по настоящее время работаю секретарем партийного бюро Алма-Атинского юридического института.

3 января 1955 г. Подпись.

Из характеристики, подписанной и.о. ректора от 10.06.86 г.

– ... Читаемые им лекции отличаются глубоким содержанием, политической направленностью и воспринимаются студентами с интересом.

Савицкий С.Н. ведет методическую работу, участвует в проводимых научно-методических конференциях университета. Им подготовлены программы по спецкурсу, задания по практическим занятиям, методические пособия и задания по контрольным работам для заочников, другие разработки.

Тов. Савицкий В.Н. участвует в научной работе. Он готовит учебное пособие, пишет комментарии по закреплённому разделу Кодекса Казахской ССР об административных правонарушениях. За истекшие после конкурсного избрания время им опубликовано ряд статей, тезисов, докладов и других материалов. В этот

же период он руководил темой и был одним из исполнителей «Роль общественно-политической практики в развитии общественной активности студентов», которая была включена в координационный план НИИ высшей школы.

Савицкий С.Н. поддерживает постоянную связь с органами юстиции, прокуратуры, МВД, исполкомами местных Советов народных депутатов. Он участвует в разработке и обсуждении проектов законодательных и нормативных актов. Работал в составе рабочей группы министерства юстиции КазССР по разработке «Кодекса Казахской ССР об административных правонарушениях».

Савицкий С.Н. активно участвует в пропаганде научных, политических и правовых знаний. Он является заместителем председателя правления Алма-Атинской городской организации общества «Знание», председателем городского совета народных университетов, председателем совета по коммунистическому воспитанию студентов Минвуза КазССР, часто выступает с лекциями перед населением, студентами и преподавателями.

С 1978 г. Савицкий В.Н. является членом парткома университета, проректором университета по идейно-воспитательной работе. За этот период при его непосредственном участии проделана значительная работа по улучшению идейно-воспитательной работы в университете. Внедряются научные приемы в воспитательном процесс, стали содержательней общественно-политическая практика студентов и отдельные направления коммунистического воспитания.

Савицкий С.Н. политически грамотен и идейно выдержан, пользуется авторитетом среди профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов университета...

...Конечно, я, как активистка, знала Станислава Николаевича со студенческих лет. Он в то время работал заместителем декана юридического факультета, был членом парткома. С 1978 года он работает проректором по воспитательной работе. И вот здесь я уже как молодой преподаватель и аспирант много работала по общественной линии, поэтому часто бывала на заседаниях в кабинете у проректора.

Когда меня избрали председателем студенческого профкома в 1981 году, тогда уже приходилось работать так сказать бок о

бок, потому что все наши дела были общими по воспитательной работе.

Но работа началась с конфликта. Конечно, я была слишком резкой и максималистом, все принимала за правду, не могла в то время обойти углы, я старалась жить по правде, а она оказывалась такой острой, колкой, колючей и приходилось со многими портить отношения. Тогда я не знала, что мне могут отомстить за какой-то мой отказ даже через десятки лет. И это было.

Итак, суть конфликта.

Мы впервые распределили путевки, как я считала правильным, на заседании профкома с участием председателей профбюро факультетов согласно количеству студентов в % отношении (необходимо отметить, что 100% студентов были членами профсоюза). Я оставила себе небольшой резерв путевок по 30% стоимости на форс-мажор, и согласовала это со всеми. Удивительно, раньше такого не было, а здесь все начали выражать недовольство тем, что я оставила резерв. Я объяснила, что все они будут студентами КазГУ, и я проведу все через решение профбюро того факультета, с которого будет студент, а осенью за каждую путевку отчитаюсь, почему я выдала такому-то студенту путевку, и также, как и вы, все отчитаетесь за свои путевки. На этом и порешили. Надо отметить, раньше председатель профсоюза сам распределял путевки, а тут я решила сделать это общественно-значимым и гласным явлением. Ответственность за путевки несли председатели профсоюзов, и там они уже распределяли самостоятельно на факультеты через свои заседания профбюро факультетов. Поэтому нужна была выписка заседания профбюро, заявление студента и небольшая сумма денег. Каждая 5 путевка была бесплатной, а остальные стоили 30% стоимости, которую необходимо было внести в кассу студенческого профсоюза. Оставшуюся сумму денег платил профсоюз. На основании квитанции об оплате путевки, заявления и выписки заседания профбюро факультета выдавалась путевка (в случае бесплатной путевки, то профбюро должно было указать в своем решении об этом, у каждого был также % бесплатных путевок, то есть каждая 5). При заселении в лагерь необходим был еще и студенческий билет, по которому сверяли фотографию и фамилию студента.

Июль, самый пик сезона поездок в спортивно-оздоровительный лагерь на озере Иссык-Куль.

В профсоюзе огромная очередь, пришедших получить путевки. Тут появляются три студента и спрашивают, кто здесь Ахметова?

Подходят ко мне и так нагло говорят:

– Савицкий С.Н. сказал Вам выдать нам путевки на Иссык-Куль на этот сезон.

Люди, естественно, прислушиваются к нашему разговору.

Я, естественно, психанула и сказала:

– Кто такой С.Н. Савицкий? И почему Вы у него не берете путевки? У нас путевки раздают на факультете. Обращайтесь к председателю профбюро.

Они ушли. Через некоторое время звонок С.Н. Савицкого, который просит меня зайти к нему. Конечно, я сразу же пошла к нему.

Студенты сидят в его приемной, я, открыв дверь к нему, сразу же попросила его пригласить в кабинет и студентов. Мы зашли все вместе.

Станислав Николаевич мне сказал, что я действительно отказала им в путевках? Я попросила студентов изложить, что произошло. Они рассказали.

Я изложила при них же свою версию. И сделала акцент на их бесцеремонность, присутствие множества людей, объяснила, как у нас стали распределять путевки.

Савицкий молча все выслушал, потом сказал студентам выйти и подождать в приемной. Мы остались вдвоем. И он мне сказал:

– И все же не надо было говорить, а кто такой Савицкий!

Я согласилась с этим, и тут же извинилась, сказала, что сгоряча это было, потому что я хочу все сделать правильно, чтобы профсоюзами управляли председатели на местах. Это делается впервые, а тут такое при людях происходит. Вроде говорю одно, а делаю другое!

Конечно, он меня понял и простил, и всячески поддерживал меня в такого рода начинаниях. Но уже осенью, ох, как горячо пришлось мне от тех, кто всегда получал путевки, при чем студенческие, преподаватели или их дети, а тут произошел облом. Так что первые недруги у меня появились именно, когда я работала в студенческих профсоюзах. И сразу скажу, и первые на

всю жизнь друзья – это наша профсоюзная студенческая команда, которая, действительно, была лучше всех!

С.Н. Савицкий мне объяснил, что эти трое студентов – лауреаты республиканского конкурса художественной самодеятельности, а университет всегда их поощрял бесплатными путевками на Иссык-Куль. Но это нигде не было зафиксировано.

Как оказалось, и лучших спортсменов мы награждали так же, и лучших в научно-исследовательской работе, в общем, поэтому и не делали разрядки на факультеты.

Мне пришлось созывать заседание профкома и приглашать председателей профбюро факультетов. Мы все обсудили этот вопрос. Решили, действительно, это наша совместная работа, поэтому часть путевок бесплатных надо через факультеты отдать своим же лучшим студентам в науке, спорте и художественной самодеятельности согласно спискам, предоставленным проректорами по науке и воспитанию и завкафедрой физвоспитания и спорта. Конечно, пришлось отдать на факультеты весь свой резерв.

Поскольку я журналист, то придавала большое значение тому, чтобы все проходило гласно и об этом сообщались через объявления на досках профбюро на каждом факультете и через газету «Казахский университет». Студентов факультета журналистики летом просила на практике рассказывать о нашем опыте.

Конечно, мы подружились со Станиславом Николаевичем, нам так много приходилось работать вместе с утра до глубокой ночи.

Он никогда не показывал, что является инвалидом Великой Отечественной войны 1 группы. У него не было руки и практически двух ног. Он никогда не носил орденскую планку. Никогда не рассказывал, где сражался и как воевал. Никогда ничего не говорил, а просто работал много и постоянно. Ходил, тяжело опираясь на костыль. Сын после работы его подвозил на машине, возил вечерами для контроля работы художественной самодеятельности. Машин в то время проректорам не полагалось.

33 коллектива художественной самодеятельности, из них 3 народных коллектива, среди которых оркестр казахских народных инструментов, домбровский ансамбль и ансамбль русской народной песни «Друженька».

Станислав Николаевич познакомил меня с Нургисой Тлендиевым, который руководил нашим оркестром казахских народных инструментов. Я очень гордилась этой дружбой. Ансамблем русской народной песни руководил Молодцов, также звезда казахстанского искусства.

В КазГУ благодаря ректору У.А. Джолдасбекову всегда и везде работали только лучшие. И этим все гордились.

Станислав Николаевич в работу спортклуба и в их дела особо не вникал, так как там прочно руководил всем заведующий кафедрой физвоспитания и спорта С.Л. Либерман, поэтому я и работала по спорту с С.Л. Либерманом.

Помню, как мы допоздна работали по подготовке концерта к 50-летию КазГУ в 1984 году. Концерт проходил во Дворце имени В.И. Ленина. У нас был хор в 1000 человек. Мы подготовили программу и должны были сдать ее секретарю по идеологии ЦК Компартии Казахстана К. Казыбаеву, который приехал к нам и принимал последнюю репетицию нашего концерта. Я подошла к нему поздороваться, позже Савицкий спросил, откуда знаешь? Потом: почему никогда не говорила? Я сказала, а зачем? Я для себя никогда лично не пользовалась связями и знакомствами, а для университета и для страны всегда.

К.Казыбаев принял у нас только одну песню, а хор подготовил три. Весь хор так сожалел об этом! Он строго проследил за временем и сказал, во сколько времени мы должны были уложиться, поэтому часть номеров не прошли, так было обидно, потому что мы все очень готовились к этому торжеству – 50-летию КазГУ и торжественному концерту, посвященному этой дате, на котором присутствовал и первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев.

Станислав Николаевич ведь работал на юридическом факультете, пользовался заслуженным уважением, к его мнению всегда прислушивались все и всегда. Но, работая с ним рядом, только-только я его узнавала по его конкретным действиям и поступкам.

В ведении студенческого профсоюза был студенческий клуб, то есть профсоюз платил заработанную плату всем работникам. А их было много. Но практически в то время всей работой руководил проректор по воспитательной работе С.Н. Савицкий.

У нас была вакансия – я не помню, как она называлась, но в общем, завхоза по сохранению всех музыкальных принадлежностей, а их у нас было на сотни тысяч рублей. Все тогда (да и сейчас!) стоило очень дорого и всего этого просто не было в магазинах в свободной продаже. Зарплаты были очень маленькие, обычно, люди работали на нескольких ставках. Однажды С.Н. Савицкий предложил мне взять на работу молодого человека лет 30 этим завхозом. Он проработал у нас несколько месяцев, как раз в летнее время, когда не было студентов, наступило время работы художественных коллективов, и вдруг выяснилось, что у нас исчезли музыкальные инструменты. Вернее, каркас инструментов был, а их внутренности исчезли. Когда директор клуба Талиманчук показал мне это, то я похолодела от ужаса. Вызывали этого парня, а он нагло, глядя прямо в глаза, говорил, а вот они ведь есть инструменты. Посмотрите по описи. Я никогда не встречалась с такой наглостью и никогда не предполагала, что я могу попасть в такую ситуацию. Он – работник профсоюза, я его начальник, как и Талиманчук. И мы ничего сделать не можем. Формально инструменты есть, а в действительности их нет.

Мы пошли к Савицкому С.Н. Рассказали обо всем. Он лично пришел и проверил то, что мы уже увидели. На следующий день он нас всех пригласил. Такого гнева я не видела никогда. И знаю, что мое присутствие, как женщины, его сдерживало. И я представляла, какой он во гневе вообще!

Станислав Николаевич вызвал милицию и оформил его задержание при нас, сдал его милиции. Я не ожидала такого крутого поворота. Но этот парень действительно наглец, и думал, что его просто выгонят. Но не тут-то было. Через двое суток он нас с Талиманчуком пригласил в свой кабинет, потом милиция ввела этого парня к нему, который просидел двое суток в милиции. Я увидела такую картину, которую никогда в жизни не видела в дальнейшем. Этот наглец, когда его завели в кабинет Савицкого, вдруг упал на колени и пополз к нему. Со слезами на глазах стал просить прощение. Сказал, что все вернет в течение одних суток. Он сделал все это. Все наши инструменты были возвращены. Честное слово, я не знаю, завели ли уголовное дело (или как это все называется) против этого парня и что с ним было в дальнейшем. Проблема была решена. А Станислав Николаевич много позже мне однажды сказал, как мне было неприятно, что

это я рекомендовал его на работу. Ну, как всегда, кто-то попросил, я и сделал.

Я ответила:

– Если бы Вы знали, как я напугалась, когда такое случилось. Я ведь мерила это все на себя. Я знала стоимость инструментов и понимала, что мне понадобится несколько лет жизни, чтобы расплатиться с этим. А потеря репутации? Мне было так страшно, и я так боялась последствий! Я не спала ночами, и мне было так горько от того, что какой-то наглец смог нас так облапошить, и еще так с нами разговаривать. Я не видела выхода из этого. Вам спасибо, что решили проблему!

Талиманчук, руководитель студенческого клуба, много мне и раньше рассказывал про Савицкого, что он сам честен и беспощаден к вора, и всегда пугал меня рассказами о нем, у него на каждый разговор была своя страшилка. Это было для меня большим уроком. И я об этом постоянно помнила, когда работала на «хозяйстве» будь-то в профсоюзах или в университете.

Что такое милиция и сила юристов я тогда поняла, раньше никогда не сталкивалась с этим. Сестры-юристы об этом никогда не говорили. Да и у них в то время и опыта не было.

Воспитательная работа: оказывается это могло быть и воспитание, и наказание. Его боялись многие студенты, которые оказались в зоне его внимания. А это студенты, например, те, которые попадали в вытрезвитель. В советское время это была просто беда, попасть в вытрезвитель, даже, если ты и совсем-то немного выпил. За этим было наказание: исключение из комсомола и университета, а это означало волчий билет на всю жизнь.

И здесь была придуманы проректором особые условия. Университетский студент, если он попал в вытрезвитель, его, конечно же, исключали из университета, но давали возможность или пойти в армию два года и там отлично отслужить и с хорошей характеристикой вернуться и восстановиться в университете, или же отработать простым рабочим на стройке КазГ Уграда, если ты отслужил уже в армии. Так что была возможность восстановиться в университете, но все под строгим присмотром проректора С.Н. Савицкого. И это было очень хорошей школой жизни для однажды отступившегося. Эти молодые люди никогда не злились и не критиковали его, они напротив, видели в нем человека,

давшего им еще раз шанс на восстановление, и, в дальнейшем, получение высшего образования.

Отношение ко мне: всегда с любопытством и интересом, уважал мнение, удивлялся моему поведению и желанию всегда говорить правду, а я, советуясь с ним, удивлялась тому, как многие могли улыбаясь, наносить удар в спину. Много говорили об этом. Тогда я и определилась в отношении сплетников, сексотов, непорядочности многих людей, не важно какой бы пост они не занимали. Тогда я поняла, что ради выгоды или достижения успехов, ряд людей шли на все. И тогда же стали вырабатываться мои правила поведения, как жить рядом с такими людьми. А я ведь знала постулат: жить в обществе и быть свободным от него нельзя.

Уже, когда я давно не была председателем профсоюза, а рядовым доцентом, в начале 90-х годов услышала от него в его выступлении на каком-то собрании такую реплику:

– Какие мужики пошли. Что за песня? Остановите музыку, любимая пошла с другим? И поют, выставляя все чувства наружу!

Я снова была удивлена именно его таким высказыванием. Песню слышала, и не обращала на такие слова внимание! Действительно, что за слова...

В памяти моей много случаев в нашей работе проректора С.Н. Савицкого и председателя студенческого профкома Л.С. Ахметовой. Было очень трудно, и было так прекрасно, столько всего прошло за это время! И снова не устаю повторять, какие люди были в университете! Как они работали! Среди них яркой звездой выделяется проректор, инвалид Великой Отечественной войны 1 степени, выдающийся юрист того времени Станислав Николаевич Савицкий! Как я горжусь, что работала с ним!

САПА Василий Антонович

Так уж случилось, что я была знакома не только с профессором Василием Антоновичем, но и с его младшим сыном Алексеем, а потом познакомилась с его супругой. Мне довелось брать интервью у Василия Антоновича и Тамары Степановны в разное время. Я была у них в гостях. Поэтому мой рассказ о тех интервью, которых я брала у них, о семье и детях, о нашем родном университете в военные годы, когда училась Тамара Затинщикова на отделении журналистики, а ее будущий супруг писал ей письма с фронта.

Уникальные истории о прошлом КазГУ-КазНУ им. аль-Фараби, о судьбах людей, о профессоре В.А. Сапа и его семье.

Из биографии В.А. Сапа:

Родился в 1922 г. в с. Успеновка Кустанайской области.

В 1948 г. окончил Казахский Государственный университет. После окончания учебы был оставлен в качестве ассистента на кафедре теоретической механики и физики, затем работал старшим преподавателем, доцентом, профессором, заместителем декана, заведующим кафедрой теоретической механики КазГУ (1948-1993 гг.).

В 1953 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. В 1955 г. был утверждён в научном звании доцента.

В 1964 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук, в 1966 г. ему была присуждена ученая степень профессора по кафедре теоретической механики. С 1994 г. он является членом-корреспондентом АН КазССР.

Круг его научных интересов охватывает несколько разделов теоретической механики, внешней баллистики, механики переменной массы.

Под его руководством подготовлены 42 диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических

наук. В период с 1950 по 1994 гг. им опубликовано в отечественных и зарубежных изданиях 160 работ.

Награжден орденами Красного Знамени, двумя орденами Великой Отечественной войны, медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», рядом юбилейных памятных медалей «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», «Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны», Почетным знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Заслуженный деятель науки КазССР. Заслуженный наставник молодежи КазССР. Академик Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского.

Когда он праздновал свой юбилей – 60 лет в 1982 году о нем писали:

– Шестьдесят лет по нынешним меркам – средний возраст. Профессор Василий Антонович Сапа сегодня, как и всегда прежде, бодр, энергичен, в глазах живой интерес к собеседнику. Во всем облике этого невысокого, подвижного человека сквозит обаятельная непосредственность. И только серебристые пряди в аккуратной прическе, морщинки на улыбчивом лице напоминают о пережитом, о тех испытаниях, что выпали на долю поколения из сорок первого...

Из чего сложить его портрет? Обратимся к годам, давно минувшим. Сейчас, конечно, можно точно сказать, что он родился математиком. Его отец работал бухгалтером, и, может быть, это обстоятельство привило уважение к точному счету. А если серьезно, то Василий с детства был человеком рассудительным. Большую часть времени проводил за книгами, и родители поддерживали это увлечение. В первый класс пошел с шести лет. Но класс оказался переполненным, и его отчислили, так как в то время в школу принимали только с восьми лет. Было немало слез. Зато во второй раз в первый класс Вася пришел хорошо подготовленным.

В тридцатом году его родители переехали из Кустанайской области в Алма-Ату. Василий пошел учиться в школу №14. В школе его заметили сразу из-за... малого роста. На первом занятии в пятом классе учительница математики, заметив Васю, удивленно спросила:

- А ты что здесь делаешь?
- Учусь, – ответил мальчик.

Учительница приняла его за первоклассника. Она была удивлена еще больше, когда Вася за полчаса выполнил контрольную работу, рассчитанную на два академических часа...

Василий Антонович с благодарностью вспоминает школьных учителей, которые поддерживали и развили его увлечение математикой и физикой. Впоследствии с одним из них – Виктором Георгиевичем Поздеевым – он встретился на заседании ученого совета, где они – учитель и бывший ученик школы №14 – защищали свои диссертации на соискание ученой степени кандидатов физико-математических наук.

После окончания школы колебаний не было и не могло быть. Василий Сапа поступает учиться на физико-математический факультет Казахского государственного университета. Уже после первого курса профессор В.Ф. Литвинов пригласил его работать на кафедру в качестве лаборанта, поручив ему изучение электродвижущей силы посеребренных термопар, которые предполагалось применить для непрерывного измерения температуры больных, решения других интересных задач.

Василий закончил второй курс университета, когда началась война. В первые же ее дни он становится курсантом военного училища. В начале сорок второго года, после окончания ускоренной программы училища, в звании лейтенанта Василий Сапа принимает боевое крещение на фронте. Будучи заместителем командира артиллерийского дивизиона, он отличался в боях под Харьковом. Руководимые недавним студентом-математиком орудийные расчеты точно разили вражеские танки. Отважному воину довелось участвовать во многих исторических битвах Великой Отечественной: оборонял Сталинград, бил фашистов на Орловско-Курской дуге, форсировал Днепр, принимал участие в Корсунь-Шевченковской операции.

При форсировании Днестра получил тяжелое ранение. Врачи однозначно определили его будущее – инвалид; запретили работать и учиться.

Василий Анатольевич проявил поистине железную волю – не только закончил КазГУ (учеба далась ему трудно), но и остался преподавать на родном физико-математическом факультете. Более того, защитил кандидатскую и докторскую и даже стал заслуженный деятелем науки и член-корреспондентом АН Каз.ССР.

В огне боев закалялся, мужал характер будущего ученого. В сорок третьем на фронте партийной комиссией Василий Сапа был принят в ряды КПСС.

Познав жестокую школу войны, молодой командир в мыслях жил заботами будущих мирных дней. Вспоминались родной университет, преподаватели, девушка, которая крепко запала в сердце.

Познакомились они ранней весной в горах, когда собирали подснежники. Договорились пойти вечером в кино. Она была на два года моложе Василия. И это обстоятельство стало серьезным препятствием перед входом в кинотеатр, где в шесть часов показывали картину «Переход» о пограничниках. Но как обойти строгую билетершу, для которой, кажется, не существует ничего, кроме правила: «Дети до 16 лет не вечерние сеансы не допускаются»? И на паспорт поглядела недоверчиво, ведь ростом не вышел, а у подружки паспорта нет. В конце концов пропустила. И это многое определило в судьбе. Письма Тамары на фронт согревали сердце бойца. Не потерялась в годы войны и связь с университетом.

– Было очень приятно, – вспоминает В.А. Сапа, – когда делегация из Алма-Аты от имени студентов и профессорско-преподавательского состава вручила мне часы. От этого подарка веяло чем-то родным, близкой и пока не сбывшейся мечтой об окончании университета.

... В четвертый и последний раз ранило его в марте 1944 года при форсировании Днестра. Осколочное ранение в голову было тяжелым, мог быть и смертельный исход. Первую операцию провела хирург Софья Яковлевна Ханина. В условиях полевого медсанбата она сделала все возможное, чтобы спасти жизнь молодого капитана. Она после войны – врач, заведовала отделением одной из клиник в Саратове, переписывалась с семьей Сапа. В Москве в нейрохирургическом госпитале Василий Сапа пролежал почти полтора года и выписался лишь через три месяца после Победы. Госпиталем руководит главный хирург Советской Армии, академик Н.Н. Бурденко. В беседе с Василием академик сказал откровенно:

– Учиться далее вам невозможно. Поймите меня правильно, я знаю, что это такое: когда слышать более чем тяжело. Однако и работать тоже не советую. Вас обеспечат пенсией. Отдыхайте, вы заслужили это.

Эти слова прозвучали как приговор. Приговор к унылому ничегонеделанию в двадцать три года. Нет, не такой Василий Сапа.

В августе он подал заявление в КазГУ о восстановлении его студентом третьего курса. Этот курс дался особенно трудно. Порой на занятиях он терял сознание. Трудно было из-за четырехлетнего перерыва в учебе. Но друзья, преподаватели, и среди них профессор Иван Дмитриевич Молюков, верили в его силы, старались помочь, как могли.

Университет он закончил с отличием. Его в качестве ассистента оставили на кафедре теоретической механики и физики. С того времени и началась активная педагогическая и научно-исследовательская работа. Вел большую общественную работу.

У него славная семья. Сыновья пошли по отцовским стопам. Растут внуки и правнуки – всеобщая радость и будущее семьи Сапа.

Спросите у Василия Антоновича, что дает ему силы в его каждодневном, ежечасном труде, помогает преодолевать боль старых ран. Он скажет:

– Любовь к людям.

Интервью с Т.П. Затинщиковой-Сапа. 2003 г.

... С Тамарой Степановной Затинщиковой – Сапа – выпускницей факультета журналистики 1945 года мы знакомы много лет. Я знала, что она училась на факультете журналистики. Я была знакома с ее знаменитым мужем профессором, доктором физико-математических наук, участником и инвалидом Великой Отечественной войны Василием Антоновичем Сапа. Я была воспитателем и в какой-то мере наставником ее младшего любимца – сына Алеши. Я знала, что у нее трое сыновей и всегда восхищалась материнским подвигом Тамары Степановны: воспитать троих сыновей – именно таких, каких мечтает иметь любая мать.

Конечно, работая в университете, не быть знакомым с Василием Антоновичем Сапой было просто невозможным. Но более близкое знакомство с этой известной семьей у меня произошло в пионерском лагере КазГУ «Восток-3», где я в 1983 году, работая старшей пионервожатой, срочно искала радиста для работы на радиосвязи в лагере.

В то время студент, наш пионервожатый 2 отряда Алексей Швыдко сказал, что у него в отряде есть мальчик, прекрасно разбирающийся в технике, которому и можно доверить все радиохозяйство.

Я удивилась: «Ребенку?»

А. Швыдко сказал: «Вы можете ему доверить».

Так я познакомилась с 12-летним пионером Алешой Сапа.

Как быстро летит время!

Затем я была начальником пионерского лагеря КазГУ «Восток-3», где пионервожатым работал Алеша Сапа, председателем профсоюза, в котором он был активным членом профсоюза. Так нас жизнь сводила и разводила. Замечательные родители Алексея всегда были довольны, что у него есть хороший старший наставник в общественной деятельности.

Прошли годы, и вновь мы вместе. Сегодня я записываю воспоминания Тамары Степановны, которая искренне удивилась, что внимание обращено именно ей.

Восток – дело тонкое. Как истинно восточная женщина, она, несмотря на то, что всю жизнь проработала в Госкомитете по радиовещанию и телевидению (то есть сорок лет, из них поровну, сначала двадцать – на радио, потом – на телевидении) Тамара Степановна много времени уделяла семье, троим сыновьям. Ведь только накормить четырех мужчин, воспитывать троих сыновей, быть верной спутницей мужу-ученому, создать ему условия для творческой, научной и педагогической деятельности, – сколько нужно было для этого сил и энергии!

Тамара Степановна, хоть и журналист, не избалована вниманием к себе как к творческой личности. И здесь причин много. Некоторые из них я уже называла. Наш разговор в связи с этим ведется по всем направлениям ее богатой событиями жизни.

Сегодня, когда дети прекрасно устроены и помогают ей, особенно – младший сын (опять – традиции Востока), в кабинете Василия Антоновича она устроила музей его памяти. Здесь все, как девять лет назад, когда он внезапно скончался (материал был опубликован в 2003 г.). Сюда приходят его благодарные ученики, общаясь с учителем через его богатейшую библиотеку и архивы.

Вспоминать жизнь трудно, больно от потерь, начинаешь сожалеть о некоторых событиях, но чувства исполненного долга

перед семьей, Родиной, журналистикой постепенно наполняют нашу беседу.

Я мечтала быть биологом, выращивать цветы. И возможно я стала бы им, если бы не события, происшедшие со мной в последней четверти выпускного десятого класса. Нам всем ученикам сказали, что необходимо заплатить по 200 рублей за учебу в школе. Если мы не заплатим, то в течение двух недель нас исключат из школы. Для моей семьи это была непосильная трата. Отец у меня умер, когда мне было два с половиной года, и мама нас с сестрой и братом вырастила одна.

Я стала лихорадочно искать какие-то пути выхода из этой непростой ситуации. Узнала, что в медицинском институте имеется рабфак, и после окончания на первый курс зачисляются без экзаменов. Подалась туда.

Вообще в моей судьбе играли большую роль учителя. Мы все были на виду и каждый учитель, особенно классный руководитель знал, кто как живет. Капитолина Васильевна, мой классный руководитель, предложила мне идти в Горный институт, где работала ее дочь, которая уже тогда была кандидатом наук. Историк Мей предложила поступать на исторический или филологический факультет, но там не было рабфаков, а мне надо было заканчивать десятый класс. Мне здорово помогли учителя, впоследствии они сами заплатили за меня положенную сумму.

В это время мы учились в три смены и заодно сами достраивали свою 33 школу. Пока учились в 35 школе.

Жили мы за речкой, наш район назывался в простонародье Ишачий поселок, потом стал называться Новослободкой.

За Казенным парком (нынешний парк 28 героев-панфиловцев) находились Клеверные участки, далее за нынешним зоопарком шли предгорки, мельницы, где и заселялись в начале XX века бедные люди. Предгорки разделяла река, которая была опасной, шли сели.

Мой дед по отцу скончался в 104 года, его затоптали кони. Отец, потомственный казак, организовывал товарищества в Жанашаре, потом в Алма-Ате. Знал в совершенстве казахский язык, умер рано.

В 1941 году я закончила школу. В пятницу прошел выпускной вечер, а в воскресенье мы договорились идти в горы. Пришли в школу. А нам говорят: «Война началась!». Мальчики все

ушли добровольцами на фронт. Мой брат тоже ушел на фронт. А девчонки все пошли поступать в медицинский институт.

Только сдали два экзамена, а нам объявили, что отменили вступительные экзамены для тех, кто закончил в 1941 году школу. Был приказ: все зачислены. Нас разбили по группам. Записали на двухмесячные курсы санитарок-дружинниц.

Во все вузы был недобор. Все ушли на фронт. Хотя я была здоровая, с большими толстыми косами и на меня обращали внимание, я очень боялась крови, и мама сказала забрать документы из медицинского института. Пошла за документами, а ректор Зюзин документы не отдает. Но мне надо было работать и учиться. Работу я уже нашла – санитаркой. С трудом забрала документы. Но о журналистике я даже не думала. У меня в Коммунистическом институте журналистики (КИЖе) учились две подружки. В 1941 году КИЖ передали в КазГУ, а мои подружки уже второй курс закончили. Они меня и сагитировали идти на факультет журналистики. Придя к декану А.Ф. Жеребятьеву, я с уверенностью сказала, что буду журналистом и весь мир посмотрю. Вот такое у меня было представление о журналистах. Для поступления на факультет нужна была обязательно характеристика и публикации. Историк Мей дала мне блестящую характеристику. К тому же я писала стихи, которые я приложила к документам и свои публикации из школьной стенгазеты. Кстати, в то время наши школьные стенгазеты ценились и их вывешивали на обозрение в кинотеатре «Алма-Ата» около собора, сейчас в этом здании – ресторан в парке, который сейчас носит название 28 героев-панфиловцев. Публикации в стенгазете тогда приравнивались к публикациям в газетах.

Замечательные слова благодарности хочу сказать о нашем декане А.Ф. Жеребятьеве, который мне всю учебу помогал. Я три раза бросала учебу, искала работу, однажды месяц не ходила на занятия, но он все время меня поддерживал, внушал, что я смогу выучиться и стать хорошим журналистом. И тем, кем я стала его большая заслуга.

В годы войны было труднее всего. Жили мы бедно. Я ходила на занятия в азиатских галошах. Я – очень стеснялась, но мне хотелось учиться. Уровень жизни людей был разный. Большинство студентов были обеспечены, поэтому и учились. У меня жизненный уровень был по сравнению с другими просто

ниций. Я от всех скрывала, что, учась, успевала работать в двух местах – в библиотеке и в Доме инвалидов. В Доме инвалидов я ухаживала за ранеными солдатами, книги подбирала, читала, писала письма, кормила, убирала. В Доме инвалидов работала только за питание. В госпитале, расположенном в нашей 33 школе, я работала на общественных началах.

У Тамары Степановны сохранилось несколько студенческих фотографий: декан А.Ф. Жеребятъев, эвакуированные преподаватели, студентки на строительстве электростанции, выпускники 1945 года, довольно много отдельных фотографий сокурсниц. Память в фотографиях зрительно показывает молодые годы Тамары Степановны и ее подруг.

- В годы войны было мало интересного. Трудно было учиться, мы много работали, – вспоминает она. – Наш факультет находился в здании картинной галереи на улицах Советская-Комсомольская. Там же во время войны находилась киностудия, и несколько комнат отдали под наш факультет.

Психологи отмечают, что люди мало рассказывают о трудных годах. Вспоминают лишь лучшее, хорошее. Годы войны – тяжелый период для всех, и особенно он труден для молодых в то время девчонок, которые были лишены общения с парнями, много трудились, успевали учиться.

Тамара закончила двухгодичные курсы подготовки медицинских сестер и была сержантом медицинской службы. Однажды пришла к ней повестка в армию, с вещами явиться в призывной пункт.

– Нас призывали троих с факультета журналистики. И. Генералову, которая потом долгие годы работала журналистом в Усть-Каменогорске, Тасю Шевчук, проработавшую в издательстве Академии Наук, затем уехавшую в Москву, и меня.

Когда мы прибыли на призывной пункт, меня спросили, где я учусь.

Я ответила, что в связи с тяжелым материальным положением перевелась на заочное отделение. Действительно, я уже больше месяца не ходила на занятия и написала заявление о переходе на заочное отделение.

Военком позвонил декану А.Ф. Жеребятъеву, а он ответил, что ничего подобного, она числится на дневном обучении и И. Генералова с Т. Шевчук тоже. А.Ф. Жеребятъев очень держался

за нас, студентов, ведь нас было так мало, и у всех почти что были проблемы.

Военком на нас матом набросился:

– Вы меня в тюрьму хотите посадить?! Что я не выполняю указ Сталина?

В то время существовал Указ Сталина о том, что студентов с последних двух курсов на фронт не брать.

– Хотите, пишете, что идете на фронт добровольцами, если не хотите – дуйте отсюда.

Мы выбрали учебу. Эшелон призывников, в котором должны были ехать мы на фронт, под Москвой разбомбили. Большинство призывников погибло, в том числе много студентов КазГУ. Мы совершенно случайно остались. Так я чудом не попала на фронт и выжила.

Мы учились четыре года. В годы войны деканом был у нас А.Ф. Жеребятьев, который и преподавал ряд журналистских дисциплин. Окулов, был старого закала человек, не современный по нашим меркам. Он был из эвакуированных и читал журналистские дисциплины. Анисимова также из эвакуированных преподавателей была литератором. Андруцкий, эвакуированный, читал нам зарубежную литературу. Богуславский, эвакуированный, читал литературу. У нас были преподаватели эвакуированные из Москвы и Ленинграда и преподававшие в ЛГУ и МГУ.

Кстати, в годы войны ввели сдачу предметов экстерном. Надо было заплатить в кассу 10 рублей и сдавать экзамены. В. Пуриц, например, экстерном сдавал.

На нашем курсе учились Виктор Пуриц, но не долго, затем ушел вновь на фронт, Шехтерман, жена будущего завкафедрой Шварцмана училась, но затем перешла на филологическое отделение. Затем В.Н. Пуриц ушел и закончил учебу в 1947 году, стал доктором экономических наук, профессором, долгие годы заведовал кафедрой политэкономии в КазГУ им. С.М. Кирова...

Студентами мы строили ГЭС, работали в подхозе, в Узун-Агаче, куда ходили пешком.

На третьем курсе ввели плату за обучение – двести рублей. В то время это были очень большие деньги.

Расскажу, как мы жили. Мама работала арычной рабочей. Воду гоняла летом. Воду давали из колхоза «Коммуна Сталина»,

это в 18 километров от города. Ей эту воду надо было пригнать на сотни нашего района. Сколько пригонит, столько и получит. А это были гроши. Еще она работала поваром и воспитателем в детском саду. Затем устроилась в молочный магазин, что был на улице Тулебаева, угол Горького. Там она получала пахту, это отжимки из-под творога. Вот мы ее и ели, на коромыслах домой таскали.

Питались отрубями, поэтому были плотными, здоровыми.

Ночью при свете коптиюшечки – это промаслянная тряпочка такая – вязали, клеили конверты. Мама брала надомную работу, ей давали немного муки для клейстера и бумагу для того, чтобы делать конверты. Мы, конечно, муку ели, а по деревьям собирали клей.

К 8 часам утра надо было идти учиться в университет. С обеда уходила на работу. В 17-18 часов – в Дом инвалидов, и таков был мой распорядок дня.

Но, вспоминая работу на радио и телевидении, Тамара Степановна оживает.

– После окончания университета меня направили в Рудный. Я подала заявление о работе в Алма-Ате, и меня оставили работать в «Ленинской смене». Нас было первоначально семь человек, практически весь выпуск, но затем стали возвращаться люди с войны, и многие из наших поуходили. В это время поступило в ЦК комсомола письмо о том, что молодые специалисты уходят из молодежной газеты. Крепко же нам досталось за это. Федотов, секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана, предложил мне работу в организационном отделе ЦК комсомола. Я отказалась, хотелось журналистской работы. Тогда меня взяли и направили в командировку в Южный Казахстан и Джамбул. За не выход на работу – осудят. Это был приказ. Затем командировка в Федоровский район Кустанайской области. Оттуда поступила на меня жалоба Жармагамбетова о том, что я не вышла на работу. Пришлось из «Ленинской смены» уходить. Вот что значит слушание, не согласиться работать в ЦК комсомола.

Было очень сложно. Мария Семеновна помогла. Мы пошли к Илье Марковичу Парецкому, главному редактору «Последних известий». Все ему рассказали и о возможных последствиях тоже. Он разрешил первый месяц без зарплаты поработать репортером, а потом взял на работу в «Последние известия» репортером с

окладом в 41 рубль. Мы писали обо всем, не только новости, и для редакции сельского хозяйства и литературно-драматургической редакции. И. Парецкий с ходу выдавал в эфир мои материалы, иногда подкидывал темы. Через месяц я стала заведующей корреспондентской сетью на радио. У нас было 11 собкоров.

Когда открыли телевидение, я ушла туда работать. Я делала материалы по промышленности, сельскому хозяйству, по науке, культуре, искусству. В 1958 году открыли на телевидении объединенный отдел писем. Это была новая, ответственная, перспективная работа. Ушла туда полностью. Вскоре открыла передачу «Отвечаем на ваши письма», проводила много юридической работы, исследовательской и расследовательской журналистики.

Я вела «Актуальную камеру». Делала анализ поступивших писем. У меня были целые полотна анализа. И. Фидель, затем в телевидении КТК использовал некоторые мои материалы по истории казахстанского радиовещания и телевидения.

... Я всю жизнь связана с Казахским национальным университетом.

Мой муж – Василий Антонович Сапа, с которым я встретила в 1940 году, но вышла замуж в 1954 году, долгие годы работал в КазГУ. Он был известным человеком в стране, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки Казахской ССР. А я это время писала об университете и выступала по радио и телевидению.

У меня – сыновья закончили мехмат, две снохи, внук.

Старший сын – профессор Академии гражданской авиации. Все мои три сына были отличниками учебы, закончили с медалями школу. Мы – потомственное поколение активных университетских работников. Я все время была членом Совета ветеранов КазГУ и считаю, что нужно измерять вклад в работу Совета. И поэтому я чувствую себя заслуженно членом Совета ветеранов Казахского национального университета. Нельзя сравнивать меня с теми женами, кто никогда не работал, не учился в университете, не участвовал в деятельности Совета ветеранов.

Г. Багаутдинов, председатель Совета ветеранов мехмата, сейчас пишет историю факультета, много материалов взял у меня, написал заявление о моем восстановлении в Совете ветеранов.

Мехмат меня любит, помнит. Пригласили и в этом году на 9 мая, обещали прислать машину, но я по состоянию здоровья отказалась...

– За годы учебы было несколько реорганизаций сначала отделение журналистики, потом факультет, затем нас объединили за неимением студентов. Когда мы заканчивали факультет, нас объединили, как сегодня сказали бы – три в одном.

Мы стали называться историко-филологический факультет отделение журналистики. Нам разрешили защищать три диплома или один-два по выбору. Можно было стать историком, филологом или журналистом. Некоторые выбирали другие специальности, так, например, Курганская, учась на журналистике, защитила диплом по филологии и стала филологом. Муся Лебедева затем стала журналистом и историком. Я выбрала журналистику среди 13 получивших такой диплом.

Мы – первые в 1945 году защищали диплом из всех факультетов в университете. Раньше сдавали только государственные экзамены. Нам разрешили сдавать экзамены и получать два диплома. Мы сдавали государственные экзамены и писали дипломную работу. До сих пор помню своего научного руководителя Окулова и мою дипломную работу, которая называлась «Зарождение газеты «Правда» и ее первый год издания». Я долго работала в архиве, в библиотеке. Материалов было недостаточно. Это была большая работа, от руки написанные несколько сшитых между собой тетрадок. Получила отличную оценку, чем очень гордилась. Вот какие были дипломные работы в то время. Кстати мы первые получили серебряные значки высшего образования. Они были дорогими, стоили 70 рублей. Потом значки стали делать из латуни.

... Тамара Степановна как в молодости пишет стихи. Это проникновенные строчки о прошлом, настоящем и будущем. Боль от утрат утихает. Время летит. Молодость отлична сама по себе. Мудрость ветеранов вспомнить всех поименно. Оставить добрый след в благодарной памяти потомков...

Позже я продолжала общаться с Алексеем Сапа, который пошел по стопам своего отца. Сейчас традиции Василия Антоновича и Тамары Степановны продолжают дети и внуки.

ШАЛЕКЕНОВ Уахит Хамзинович

В 2020 году ушел от нас последний фронтовик Казахского Национального университета им. аль-Фараби Уахит Хамзинович Шалекенов. Он пришел в КазГУ уже профессором, известным ученым по приглашению ректора У.А. Джолдасбекова. Все знали, что Джолдасбеков приглашает на работу в университет докторов наук из разных институтов Казахстана, тех людей, которые будут своими трудами прославлять университет и страну, инноваторов того времени.

И мне бы хотелось об этом рассказать на примере У.Х. Шалекенова, с которым меня связывала большая общественная работа, мое восхищение его научным поиском, его постоянным стремлением изучить все самому и передать знания студентам, теоретика, практика, общественного деятеля.

Передо мной две его автобиографии, написанные собственноручно в марте 1973 года и в сентябре 1988 года.

Первая автобиография заполняется и является дополнением в личном листке, поэтому там ответы только на поставленные вопросы.

– Я, Шалекенов У.Х., родился в 1924 году в семье крестьянина-бедняка в Астраханской области Карабалинского района с. Серекты.

Отец, Шалекенов Хамза, был крестьянином-бедняком до Октябрьской революции, а после нее работал рабочим. Умер по болезни в 1942 г. в Муйнакском районе ККАССР. Мать, Шалекенова Хафиза, была домохозяйкой, умерла в 1935 г.

1 декабря 1953 г. я защитил кандидатскую диссертацию в Институте этнографии АН СССР, и с декабря 1953 г. по декабрь 1970 г. работал в Каракалпакском филиале АН Узбекской ССР. С января 1971 г. работаю завкафедрой истории СССР в Чимкентском педагогическом институте культуры. В 1967 г. защитил докторскую диссертацию, а с 12 апреля 1972 г. – профессор.

По военным годам можно добавить в его биографию то, что Уахит Шалекенов окончил среднюю школу и после

шестимесячных курсов в звании младшего лейтенанта отправился на фронт. В 1943 году, будучи командиром взвода, принимал участие в Курско-Орловской битве и освобождал от немецко-фашистских захватчиков города Старый Оскол, Новый Оскол, Дергачи, Харьков. Во время одного из боев получил тяжелое ранение, а после лечения в госпитале был демобилизован [1].

Вторая автобиография также была заполнена для дальнейшей работы в КазГУ по истечении срока выборов.

В этой автобиографии появляются новые сведения.

– В 1939 г. наша семья переехала в Каракалпакию, где работала учителем старшая сестра Кабира Хамзиновна, она потом 20 лет была доцентом Алма-Атинского женского госпединститута. В 1942-1943 гг. служил в рядах Красной Армии и участвовал в боях на III Украинском фронте в составе 53 стрелковой армии 299 стрелковой дивизии 960 стрелкового полка. В конце 1943 г. был демобилизован по ранению.

С 1944 по 1948 гг. учился в Каракалпакском госпединституте, с 1948-1950 гг. – лектор Каракалпакского обкома КП Узбекистана. С конца 1950 г. по 1953 г. – аспирант института этнографии АН СССР. В декабре 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1953 по 1970 гг. работал ст. научным сотрудником и завсектором археологии и этнографии Каракалпакского филиала АН Уз.ССР.

В 1967 году защитил докторскую диссертацию на тему «Казахи низовьев Аму-Дарьи» и издал монографию с таким же названием. Это – первый весомый научный труд о казахской диаспоре.

С 1971 по август 1973 г. работал заведующим кафедрой истории СССР в Чимкентском пединституте культуры им. аль-Фараби.

В институте Уахит Хамзинович активно участвует в научной и методической работе, оказывает большую помощь студенческому научному обществу и молодым преподавателям. В 1972 году под его руководством Чимкентский пединститут культуры совместно с Чимкентским краеведческим музеем проводит историко-этнографическую экспедицию в Сузакском районе Чимкентской области. Как этнограф оказывал большую помощь Чимкентскому краеведческому музею.

В личном листке Уахит Хамзинович указывает знание языков: казахский, русский, каракалпакский, узбекский, английский.

25 августа 1973 г. по конкурсу был избран профессором кафедры археологии и этнографии КазГУ, затем стал заведующим кафедрой. С 1977 по 1985 гг. работал деканом исторического факультета данного университета, заведовал кафедрой.

За время работы заведующим кафедрой и деканом исторического факультета КазГУ им проделана большая работа по укреплению кафедры и улучшению учебной и воспитательной работы со студентами. При кафедре функционирует археологическая база на средневековом городище Актобе, где ежегодно (с 1974 г.) студенты истфака проходят археологическую практику. Там созданы все необходимые условия для ведения археологических раскопок и прохождения археологической практики студентов. Наиболее трудоемкие процессы механизированы. По итогам этих археологических исследований под редакцией У.Х. Шалекенова выпущен тематический сборник «История материальной культуры Казахстана».

В процессе исследований городище Актобе, что близ реки Чу, оно было локализовано, как исторический средневековый город Баласагун, столицы Тюркского каганата, датированного V-XIII веками.

Под его руководством, для наглядности преподавания археологии и этнографии, организованы два музея. Здесь экспонируются археологические и этнографические материалы, собранные во время комплексных экспедиций, которые используются в учебном процессе. 15 сентября 1983 года открылся археологический музей. Позже был открыт этнографический музей. Под руководством У.Х. Шалекенова разрабатываются актуальные темы в области археологии и этнографии.

Он прилагает все усилия по применению технических средств на лекционных и практических занятиях, осуществляет научное руководство по профилю кафедры аспирантами и стажерами. Кафедра постоянно занимает первые места в социалистическом соревновании на факультете и в университете.

Как декан он прилагает все усилия и под его руководством улучшается успеваемость на факультете, повышаются научные и методические показатели среди ППС.

В те же годы разрабатывается тема КАЗ-079 «Археологическое и этнографическое изучение Чуйской долины».

В результате ежегодных раскопок составлялся ежегодный отчет объемом 2,5 п.л. с иллюстрированными материалами. По итогам комплексного археолого-этнографического исследования под редакцией У.Х. Шалекенова был выпущен тематический сборник «История материальной культуры Казахстана», Алма-Ата, 1980.

Под его руководством также разрабатывалась по госбюджету этнографическая тема «Новое и традиционное в быту сельской семьи Южного Казахстана», которая была включена во всесоюзную тематику XI пятилетки. По этой теме проведено три этнографические экспедиции. Собранные этнографические материалы систематизированы в объем 7 п.л. рукописи. С 1978 по 1983 гг. профессор У.Х. Шалекенов опубликовал более 30 научных статей, учебных пособий и методических разработок. Его статьи были опубликованы в «Материалах Всесоюзной тюркологической конференции», в «Вестнике» и «Известиях» АН КазССР, журналах «Проблемы Дальнего Востока» и «Советская этнография».

В 1978 г. проф. У.Х. Шалекенов участвовал во Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате с докладом «Экономические и культурные связи Приаральских казахов с народами Хорезмского оазиса в VIII-XIX вв.», в 1983 г. – в Средне-Азиатском региональном совещании с докладом «Новое и традиционное в быту сельской семьи».

Работая в университете, он участвовал в составе Центрально-казахстанской археологической экспедиции, которую возглавлял академик А.Х. Маргулан. Профессор У.Х. Шалекенов внес громадный вклад в изучение актуальных проблем современного городоведения. В труде «Құм басқан қала» (1992 г.) впервые в современной историографии воссозданы ранее забытые сюжеты из истории средневекового поселения Центральной Азии.

В настоящее время имеется научная школа ученого: 3 доктора наук, более 20 кандидатов по различным приоритетным направлениям отечественной истории. Уахит Хамзинович – автор 30 монографий и более 700 научных и научно-популярных статей [2].

Бахытжан Канапьянов к одному из его юбилеев написал статью, в которой отметил его счастливую и успешную научную и семейную жизнь:

– История открытия Баласагуна чем-то похожа на поиски Трои. Как известно, Трои открыл немецкий купец-предприниматель Генрих Шлиман, внимательно вчитавшийся в текст гомеровской «Илиады». А когда искали город Баласагун, то полагались на труд великого ученого средневековья Махмуда Кашгари. И если Г. Шлиман нашел в Трое золотой клад, то казахские археологи в Баласагуне обнаружили монетный двор с кладом в 5 000 бронзовых монет. За 30 лет исследования Баласагуна были собраны уникальные данные, которые освещали жизнь этого города-государства с V по XII век.

В своих трудах Уахит Шалекенов предлагает новый взгляд на многие аспекты истории, научно доказывает, что тюрки Центральной Азии не были полностью кочевниками. Они в силу природно-географических особенностей региона вели кочевой и полуседлый образ жизни. Такое комплексное ведение хозяйства и быта оказало плодотворное влияние на тюрков, а в особенности на казахов. Уахит Шалекенов всегда с большой теплотой вспоминает своего наставника, известного ученого-археолога, академика Алькея Маргулана, который помогал в организации и становлении археологической экспедиции, в ведении работ на городище Актобе (Баласагун).

Счастливо сложилась и личная жизнь Уахит-ага Шалекенова. В Москве в 1954 г. он познакомился с аспиранткой педагогического института им. Ленина Мадис Кусановной Акимжановой (которая до этого закончила Женский Педагогический институт, с 1944 по 1948 гг. она там обучалась на филфаке, с 1953 г. – аспирант Пединститута им. Ленина. Тема ее диссертации «Местоимение в современном каракалпакском языке». Ее руководителем был Н. Баскаков. Вместе со своей двоюродной сестрой Манарой Абдраимовой попадает в детский дом. Мадис в момент поступления в детдом было 2 года, Манаре – 6 лет. Их отцы были родными братьями и жили в двухподъездном доме, в котором было только две семьи. Отцов арестовали в один день – авт.). Она, будущий педагог, кандидат филологических наук, как многие в то время, скрывала, что является дочерью репрессированных родителей из Кокчетав. Вместе с сестрой Манарой воспитывалась в детдоме в Сырымбете, где в те суровые годы был директором школы мой отец, который, будучи сам сыном репрессированного, воспитывался в Омском детдоме, затем окончил рабфак и

исторический факультет Омского педагогического института. Мусахан Канапьянов, зная о трагической судьбе родителей этих сирот, стал двум сестрам старшим братом, всячески помогал и отправил учиться после школы в столичные вузы...[3].

Таким образом мы видим, как переплетаются неожиданно судьбы известных людей в Казахстане.

Мое же знакомство началось в 70-е годы XX века в стенах КазГУ, на Кирова, 136. Конечно, в то время само слово археология звучало так актуально, занимательно и романтично, что мы все хотели бы пойти и послушать заведующего и преподавателей такой интересной кафедры, тем более изучать свой родной Казахстан, его настоящее, прошлое, которые нам всем было малоизвестны. И, конечно, с приходом проф. У.Х. Шалекенова на глазах у всех сотрудников университета начала расцветать кафедра археологии. Студенты стали ездить на раскопки древних городищ Казахстана – это была летняя практика. И именно профессор У.Х. Шалекенов ввел это впервые на постоянной основе. Он же создал первый музей по археологии, затем этнологический музей, в которых меня больше всего поражали водопровод, артефакты, пролежавшие тысячелетия под слоем земли, и раскопанные нашими студентами, что удивляло еще больше.

И уже когда мы переехали и стали работать в одном учебном корпусе КазГУграда, стали еще чаще встречаться.

Неожиданно мы пару раз ездили в одном направлении отдыхать в сентябре, когда деканам и мне также давали отпуск, потому что в летнее время у нас был большой объем работы. У нас были дружеские отношения, конечно, старше по возрасту и профессор, декан, я это понимала, был всегда первым и впереди. Это относится ко всем деканам, с которыми я дружила в те далекие годы. Были ровные товарищеские отношения, и, конечно же, всегда помощь и поддержка меня как младшего коллеги.

Иногда Уахит Хамзинович звал меня к себе в деканат пить чай, и мы за чашкой чая обсуждали проблемы нашей совместной работы.

С его сыном Муратом я познакомилась, когда он, будучи студентом, приехал на практику в пионерский лагерь КазГУ «Восток-3» пионервожатым, а я была в то время начальником лагеря. Через много лет в 1996 г. я присутствовала на его защите докторской диссертации в институте истории Академии наук

РК, так как в то время моя диссертация лежала для обсуждения в этом институте. Затем с Муратом меня судьба столкнула, когда он работал профессором в Международном казахско-турецком университете в городе Туркестане

В 90-е годы я с двумя детьми-школьниками совершали «малый хадж» в Туркестан. Пока все посетили и объехали, наступил вечер. Договоренность была об остановке на ночь в общежитии университета. Поскольку там общежитие с мужским и женским корпусами, то моего семилетнего сына определили в мужской корпус. Я, естественно, забеспокоилась. Но меня успокоили, что все будет в порядке. А мы с девятилетней дочкой пошли в женское общежитие. Нам дали комнату на двоих. Мы только устроились, как вдруг к нам пришли и позвали вниз к проходной. Мы спустились, и я увидела молодого профессора Мурата Шалекенова. Я даже не знала, что он здесь работает. Он меня с дочерью позвал в гости. Было очень поздно, ночь, я понимала, что я его напрягаю, но он сказал, что жена его уже приготовила нам поесть, так как мы не ужинали. Я спросила про сына. Он сказал, чтобы я не беспокоилась, что его там накормят сами студенты. Мурат, как профессор жил в апартаментах мужского корпуса. Нас накормили свежим бешбармаком, в котором только тесто было не как обычное лепешечками, а типа тонкой лапши. Я такое ела в первый раз. Поблагодарив хозяев, мы пошли спать. Откровенно, мне было так приятно, что Мурат нашел меня и позвал в гости, накормил голодных странников. Утром, взяв сына из мужского общежития, я узнала, что его не только накормили, но еще и водили по ночному Туркестану. Короче, у них была своя мужская программа. Сын был очень доволен и даже сейчас об этом изредка вспоминает.

Приехав в Алматы, я сразу же позвонила Уахиту Хамзиновичу и со всеми подробностями рассказала о том, какой у него хороший сын. Правда, он отнесся несколько иронично к этому. Сказал, что так и должно быть, мы не только знакомые, но и друзья много лет. Знакома я и со старшим его сыном.

В конце 2019 г., встретившись на одном из мероприятий, Марат Шалекенов пригласил меня подвезти, так как мы живем в одном районе. Уахит Хамзинович сел в машине сзади. Больше молчал, скорее всего устал от прошедшей встречи. Мы изредка перекидывались словами. Довезя меня до дома, мы тепло

попрощались друг с другом. Таким он остался в моей памяти: фронтовиком, бойцом, ученым, исследователем, великим тружеником.

В последние годы, когда он появлялся в стенах университета Уахита Хамзиновича сразу все окружали, старшее поколение, которое было знакомо с ним, старалось пожать ему руку, поговорить с ним, среднее – хотело познакомиться, а младшее – с восторгом наблюдало за ним, его кителем, увешанным орденами и медалями, его статной походной, высоким ростом и самим поведением, а также тем, как он идет, разговаривает, общается с людьми. Все-таки это поколение победителей отличалось от всех других людей! Это наши фронтовики, наша гордость, наша слава!!!

Литература:

1. Личное дело У.Х. Шалекенова. – Архив КазНУ им. аль-Фараби.
2. Шалекенов Уахит Хамзинович. //Летопись Казахского Национального университета имени аль-Фараби. 1961-1990. Том II. – Алматы: Казак университеті. – 2004, 424 с./401-402/.
3. Шалекенов У.А. Жылдар және ғұмыр. // Ғалымдар. Ұстаздар. Тәлімгерлер. – Алматы: Казак университеті. – 2004, 281 с. /33-39/; Канапьянов Б. Жизнь и судьба профессора Шалекенова. 5.05.2014. // <http://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/zhizn-i-sudba-professora-shalekenova/>

Студенты КазГУ, ушедшие добровольцами на фронт. 1941

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. РЕКТОРЫ	5
Нарибаев Купжасар Нарипбаевич.....	5
Кожамкулов Толеген Абдисагиевич.....	16
Жумагулов Бакытжан Турсынович.....	34
Глава 2. НАША ГОРДОСТЬ – ФРОНТОВИКИ	53
Жуматов Габбас Жуматович.....	53
Кусанова Шагила Акимбаевна.....	66
Савицкий Станислав Николаевич.....	75
Сапа Василий Антонович.....	85
Шалекенов Уахит Хамзинович.....	98
Глава 3. УЧИТЕЛЯ, ДРУЗЬЯ	110
Алшанов Рахман Алшанович.....	110
Арещенко Анатолий Иванович.....	119
Дулатова Дина Исабаевна.....	131
Валиханова Зинаида Каримовна.....	138
Заславская Мария Борисовна.....	144
Купчишин Анатолий Иванович.....	151
Мансуров Зулхайыр Айтмухамедович.....	157
Носков Анатолий Аристархович.....	165
Хусаинов Хабижан Пангереевич.....	171
Глава 4. ПРОФСОЮЗЫ – МОЯ ЖИЗНЬ	186
Алимжанова Роза Мусахановна.....	186
Андарбаев Олжас Самигуллаевич.....	192
Байтуллина Лидия Степановна.....	198
Омельченко Галина Георгиевна.....	201
Туреханов Тохтаргазы Мубаракович.....	206
Ульман Абрум Ильич.....	212
Глава 5. КОЛЛЕГИ, ТОВАРИЩИ	224
Абдраимов Серик.....	224
Бурханов Камал Низамович.....	231
Гайнуллина Надежда Ивановна.....	237
Ким Галина Васильевна.....	253
Ни Валентин Хаксунович.....	259
Сагындыков Кенес Курманбекович.....	270
Хисматуллина Рашида Хабибуллоевна.....	275
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 293	

Научное издание

Ахметова Лайла Сейсембековна

**О ТЕХ, КОГО
ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ**

Книга II

Выпускающий редактор Г.С. Бекбердиева
Компьютерная верстка А. Алдашевой
Дизайн обложки А. Калиевой

ИБ № 14815

Подписано в печать 12.08.2021. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Объем 18,8 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № 7917.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71.

Отпечатано в типографии изда